

The book cover features a romantic illustration of a man and a woman. The man, on the left, has dark hair and is wearing a light blue suit with a red tie. The woman, on the right, has blonde hair and is wearing a red off-the-shoulder dress. They are standing in front of a red curtain. The author's name is at the top right, and the title is at the bottom.

ДАША
СЕМЕНКОВА

ты ко мне
ВЕРНЕШЬСЯ

Даша Семенкова

Ты ко мне вернешься

<https://litres.ru/74313023>

Аннотация

– Ты все равно ко мне вернешься. Помню, я еще подумала: какой он все-таки самоуверенный нахал. А сейчас, вспоминая, жалею, что между нами все случилось именно так. Мы могли остаться хотя бы приятелями. Могли бы... Но отвечаю все то же, не в силах перестать играть эту роль. Да и к чему, ведь уже поздно что-то менять. – Нет, Павлов, никогда. Даже не мечтай.

Расставшись из-за глупой ссоры, мы думали, что прекрасно проживем друг без друга. Мы ошибались. Между нами ничего не кончено. Одна лишь неделя, чтобы все вернуть. Кто рискнет сделать первый шаг? Кто отважится с головой броситься в омут? И, рискнув, что услышит в ответ...

Визуализация героев:

Содержание

Пролог	4
Суббота. 1.1. Зина	7
1.2. Ник	16
1.3. Зина	25
1.4. Ник	30
Воскресенье. 2.1. Зина	38
2.2	43
2.3. Ник	48
2.4	53
2.5. Зина	57
2.6. Ник	65
Понедельник. 3.1. Зина	71
3.2. Ник	78
3.3. Зина	85
3.4. Ник	92
3.5. Зина	99
Вторник. 4.1. Ник	106
4.2. Зина	113
4.3. Ник	120
4.4. Зина	127
4.5. Ник	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Пролог

Снова дождь. Его мокрые волосы выются крупными кудрями, непокорные. Как тогда, в день, когда все между нами случилось. Это дождь виноват – мы вдруг оказались слишком близко друг к другу...

Но теперь просто стоим и мокнем на перроне, как два прикурка. Делая вид, что нам обоим все равно. Стремясь быть рядом еще хоть несколько последних минут.

Капля воды на миг замирает, дрожит на кончике тонкой пряди, прежде чем сорваться. Стекает по гладкой щеке к подбородку, так похоже на слезу.

Но нет, это я плачу, не он. Внутри, тайно, без рыданий, без слез – поклялась, что он их никогда не увидит. Слезами сердца. Притворяясь, что дрожу вроде как от промозглой сырости.

Сентябрь...

А он – улыбается. В глазах безмятежность. Сейчас они серые, точь-в-точь как низкие тучи над нами. Его глаза всегда отражают небо. Когда лицо загорелое, кажется, будто они светятся изнутри.

Я пока еще не знаю, что сочетание золотистого загара, темных волос и светлых глаз на всю жизнь станет для меня идеалом красоты. Я еще верю, что сумею его забыть. Проститься навсегда.

Наивная.

– Соглашайся. Бросай все и поехали, прямо сейчас, – озвучивает он мое самое горячее желание. – В последний раз предлагаю.

Смотрит поверх моей головы на электронное табло. Невольно оборачиваюсь. До отправления поезда в Санкт-Петербург осталось семь минут.

– Перестань, это не смешно, – отзываюсь нарочно грубо. – Зря я вообще согласилась тебя провожать. Лучше бы друзей позвал.

А он смотрит исподлобья, слегка заломив левую бровь. И говорит тихонько:

– Я хотел тебя.

Обидная двусмысленность, потому что в прошедшем времени. Случайная ли? Иногда думаю, что все между нами было случайно. Неправильно. Зря. И ничего не выйдет, дальше будет только хуже.

Он пока что об этом не догадывается, и я не могу подсказать. Это лишь сон. Воспоминание о прошлом. Я вижу его время от времени, но даже во сне ничего не в силах изменить.

Повторяю все те же давно известные фразы, будто репетирую сцену из спектакля. Снова и снова. Должно быть, совесть тревожит, ведь расстанемся мы в итоге как-то совсем уж нехорошо.

Или это намек от мироздания – вот он, момент, когда я

приняла неверное решение. И жизнь повернула не туда...

Я не могу ничего исправить. Даже во сне. Просто наблюдаю, зная все наперед. Хоть тогда и не представляла, как сильно этот момент врежется в память.

Вот теперь он ухмыльнется и скажет:

– Ты все равно ко мне вернешься.

Помню, я еще подумала: какой он все-таки самоуверенный нахал. А сейчас, вспоминая, жалею, что между нами все случилось именно так. Мы могли остаться хотя бы приятелями. Могли бы...

Но отвечаю снова то же, не в силах перестать играть эту роль. Да и к чему, ведь уже поздно что-то менять.

– Нет, Павлов, никогда. Даже не мечтай.

Суббота. 1.1. Зина

“Понедельник начинается в субботу”.

Что еще за хрень? Обрывок сна? И почему эта фраза заставляет резко проснуться? Это же название книги, я ее читала, только очень давно. Суббота. Сегодня суббота. Можно спать до талого...

У меня же встреча с заказчиком!

Черт! Черт! Черт!

Прихожу в себя, моментально стряхивая остатки сна, будто липкую паутину. Тяжко-то как... Та бутылка вина определенно была лишней. Интересно, во сколько мы закончили?

Запоздало ругаю себя – не надо было и начинать. Нетрудно было догадаться, что загул в компании Андрюши ни к чему хорошему не приведет. И вот я просыпаюсь с выключенным будильником, телефоном, зажатым в руке, а в голове бьется изнутри о черепную коробку свинцовое ядро.

Оборачиваюсь и вижу Андрюшу. Дрыхнет в позе звезды, всем своим видом показывая, что раньше обеда глаз открыть не соизволит. Одеяло сбилось к ногам, демонстрируя пресс (даже в расслабленном состоянии рельефный) и грудные мышцы (отлично проработанные).

Андрюша красивый. Следит за собой, в спортзале жестко точится, подозреваю, что и солярием не брезгует. Он на стиле, во всем, даже белье какое-то модное покупает. От него

всегда вкусно пахнет.

Правда, сейчас рот его приоткрылся, а на щеке виден след от подсохшей слюны. И от этого лицо жутко глупое. Еще и сопит. Мне становится противно...

Так, Зинаида, соберись. Ну его. У тебя есть дела поважней. Пусть тебя ждет не работа мечты, но нищие не выбирают. Все-таки опыт. Страничка в портфолио, строчка в резюме. Очень-очень нужная строчка.

Времени хватит только на душ, после позавтракаю. Собираю разбросанную по комнате одежду. Юбка – есть. Пиджак – вот он, висит на спинке стула. Блузка – почти не помялась. Один чулок сразу нашелся, второй спрятался под кроватью. К счастью, оба целые – заехать домой переодеться, как вчера легкомысленно планировала, не успею.

– Зинуш, ты встала? – сонно бормочет Андрейка. Пауза – смотрит на часы, видимо. – Ммм, ненормальная, в такую рань... Лучше иди ко мне. И водички принеси.

– На кухне возьмешь, в кране, – рывкаю, не оглядываясь. – А мне бежать пора.

Лифчик, где же он? Мечусь взглядом по комнате и нахожу искомое на рабочем столе. Свисает с монитора... Опачки. Там, где обычно находится застежка, он аккуратно разрезан. Застежка-то у этой модели спереди.

Вспоминаю, как Андрейка в порыве страсти пытался его с меня, хихикающей, снять, но никак не мог сообразить, почему не получается. Ну, он ведь не совсем тупой качок, спра-

вился. По-своему.

– Заинька, ты чего злая такая? – канючит герой-любовник. Еле справляюсь с желанием отхлестать его загубленным бельем по лицу.

– Я в душ.

Хорошо, что у меня всегда с собой косметичка, а волосы не требуют ежедневного мытья и держат укладку. Расчесала – и готово, лежат длинными густыми локонами. Натягиваю одежду со скоростью, которой позавидует любой солдат.

Упс. Этот чудака еще и пуговицу на блузке оторвал. Он что, специально?! Теперь мое декольте выглядит весьма кокетливо. Да что там – в сочетании с открытым строгим пиджаком и узкой юбкой пошловоато выглядит, особенно если сверху смотреть.

– Слушай, у тебя иголка с ниткой есть? – спрашиваю у Андрейки.

С неохотой поднимается, от души потягивается, хрустя суставами. Словно нарочно долго роется в тумбочке и вручает мне дешевый китайский набор. Успеваю сделать лишь пару стежков – звонит телефон. Такси подъехало. Ладно, сойдет, мне ведь на часок всего.

– Может, вечером продолжим? – спрашивает мой заспанный друг.

Окидываю его прощальным взглядом. Стоит, привалившись к косяку, одетый в одни трусы. Замечая, что внимание обратила, машинально поигрывает мышцами. Жесткие

темно-русые волосы взъерошены. Он выглядит аппетитнее пирожного и прекрасно знает об этом. Старается оставаться красавчиком всегда и везде, даже едва встав с кровати.

– Извини, я занята. Пока.

Разворачиваюсь и выскакиваю в подъезд, слушая, как пиликает смартфон в сумочке. Наверняка сообщение от шефа. Если не успею ответить до того, как начнет звонить, он меня прибьет.

– Может, завтра? – доносится в спину. – Эй, давай только опять не пропадай, а?

Не хочу ждать лифт, выслушивая, как Андриотти канючит. Сбегаю по лестнице, благо, всего пятый этаж.

И вообще, с ним было хорошо, весело, но в том-то и проблема, что было. Теперь же меня в нем постоянно что-то бесит.

К тому же легкие ни к чему не обязывающие отношения грозят превратиться в нечто иное, унылое и мне совсем не интересное. Он все чаще расспрашивает, где я и с кем. Шлет тупые сообщения с пожеланиями сладких снов или о том, что соскучился. Смотрит щенячьими глазами...

– Бизнес-центр «Миллион», – уточняю адрес таксисту, и чистенькая белая реношка трогается с места.

Короче, пора с Андреем распрощаться, пока все не скапало в полный отстой. Но об этом как-нибудь потом подумаю. Не горит, и вообще – у меня дела.

Пишу шефу, что буду с минуты на минуту. Которых все-

го осталось пять. Надеюсь, мой потенциальный заказчик не упоротый маньяк в плане пунктуальности.

«Павлов на месте, раньше подъехал, – звучит в наушнике голос начальника. – В отличие от тебя. Если он допьет чай, а ты еще не появишься – отдам заказ другому сотруднику».

Не звонит, значит не очень зол... Павлов. Наверное, эту фамилию он при мне называл уже, просто внимания не обратила. Но в подсознании засело, вот и приснился опять тот сон. Интересно, родственник или однофамилец?

Ерунда. Фамилия распространенная, я так часто ее за все эти годы слышала, что и дергаться перестала. Тем более, что он, тот Павлов, который мне ночами снится, давно отсюда уехал.

Пора бы его забыть. Он-то обо мне вряд ли вспоминает – подумаешь, подружка детства, ошибка молодости. Хотя кому я вру, конечно же любопытно, где он сейчас. Чем занимается. Изменился, наверное, ведь и я теперь совсем другая.

– Хорошего дня, – желает таксист, на прощание мазнув взглядом по вырезу моей блузки.

Захлопываю дверцу и пытаюсь нащупать наскоро сделанные стежки. На их месте торчит обрывок нитки. Разошлись все-таки. Еще одно движение – и опять выставлю свои достоинства напоказ. Кривлюсь от досады. Ну почему у меня вечно все через одно место?

Да что я нервничаю: подумаешь, небольшой беспорядок в одежде. Не мятая, не рваная, а так даже пикантнее. Может,

клиенту еще и понравится.

– Доброе утро, Сергей Леонидович! – расплываюсь в улыбке навстречу шефу. – Извините, что опаздываю, пробки.

– Какие пробки в субботу с утра? – приглушенно рявкает в ответ, грозно глядя с высоты своего почти двухметрового роста. Его гладкая лысина сверкает под лампой, словно нимб. Архангел возмездия, карающий тунеядцев и опозднов. – Потом поговорим. Идем.

Послушно семеню следом (один его шаг – три моих, я считала), мимоходом успеваю увидеть себя в зеркале. Конфетка. Ночные излишества ни следа не оставили, вид вполне свеженький.

– А вот и наш перспективный молодой специалист, – вещает шеф, галантно пропуская меня в кабинет.

И чуть не врежется в мою спину, когда застываю столбом в дверях. Дежурная улыбка примерзает к лицу. Секунда возникшей тишины кажется вечностью. Время остановилось, и мое сердце, кажется, тоже.

Это он. Изменился, возмужал, выглядит таким солидным в этом дорогом костюме. Раньше я его никогда в костюме не видела... Взгляд другой, строгий, пристальный. И все-таки он.

Никита, чтоб его, Павлов. Ник. Тот, к кому я поклялась больше никогда в жизни не приближаться и на метр.

На ватных ногах подхожу и усаживаюсь напротив. А в

ушах звучит пронзительный голос, который я в детстве ненавидела до дрожи.

«Резиновую Зину купили в магазине!»

Воспоминания врываются яркой картинкой прямо в мозг. Совершенно не вовремя. Против моей воли. Слова начальника, что-то вещающего Павлову, звучат словно издалека. А перед глазами вместо нашей переговорной возникает совсем другое...

Залитая солнцем улица. На мне любимый полинявший красный сарафан, последние дни его донашиваю. Чешутся ободранные коленки, нагретое яблоко оттягивает карман. Еще чуть-чуть – и лету конец, через неделю школа. Я пойду во второй класс.

По этому поводу мы с лучшей подружкой Светкой считали себя жуть какими взрослыми. Не носились по двору с малышкой (пусть и очень хотелось), а чинно прогуливались вдоль улицы.

Обсуждали очень важные для завтрашних второклашек темы. У кого сколько блузок куплено. Чья форма красивее – наши серые сарафаны в клеточку или темно-синие юбки и жилеты учениц второй гимназии. Будем ли в следующем году дружить с Каткой – ведь летом она вероломно нас бросила и гуляла с другими девочками...

– Резиновая Зина упала из корзины! – заорал звонкий мальчишеский голос. – Измазалась в грязи!

Раскатистый многоголосый смех посыпался в спину камнями. Не пришлось даже оборачиваться, я и так знала, кто это. Павлов со своей компашкой.

– Не обращай внимания, – взяв меня под локоток, утешала Светка. – Он дурак. А они все – придурки. Потому что с дураком водятся. При дураке.

На последней фразе она нарочно прибавила громкость, чтобы точно услышали. Но Павлов будто и не заметил. С воодушевлением продолжал выкрикивать обидный стишок. Надо же, наизусть выучил, а ведь все в курсе, что он ни одной книжки целиком не осилил!

– Пойдем, Зиночка, на качели.

Я бы хотела ему ответить. Выдумать что-нибудь такое же обидное. Только ничего в голову не приходило, а еще каким-то шестым чувством понимала – нельзя. Я должна притворяться, будто мне все равно. Будто я его знать не хочу, иначе...

Павлов был и в школе, и в наших дворах личностью известной. Слыл одним из главных хулиганов и дураком, разумеется. Он учился на год старше. Дружил с ребятами из гимназии. Папа привозил его в школу на самой шикарной машине. У него были самые крутые кроссовки.

А главное, он был красивым. Уже тогда девчонки хором по нему вздыхали, но пока еще тайно. Не желая признаться в этом даже себе, вслух говорили гадости.

Лишнее внимание с его стороны для меня ничем хорошим

не обернулось бы. И так не скроешь, что мы соседи по даче и что наши бабушки дружат. Вот и приходилось делать вид, будто мы тут ни при чем, нас друг другу навязали.

– Эй, резиновая Зина! Пойдем обратно в магазин! – вопил вслед чей-то восторженный голос.

Я не оглянулась, промолчала. Лишь прикусила губу, изо всех сил сдерживая слезы от злой обиды, пошла быстрее. Повторяя про себя: “Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!”

Не помогло. С легкой руки Ника “резинкой” меня дразнили чуть ли не до старших классов. За ним вообще быстро все перенимали, ведь он был популярным. А я – обычной скромницей-зубрилкой.

1.2. Ник

А она изменилась. Повзрослела, оформилась окончательно и приобрела лоск. Чуть поправилась в нужных местах – грудь явно стала больше. Но лифчиков по-прежнему не признает...

Однако! Вольный у них тут дресс код, вырез ее строгой блузки хоть и узкий, но глубиной аж до солнечного сплетения. Еще и тонкая ткань облегает при каждом движении, позволяя оценить и форму, и размер. Или это ее личный способ добиваться успеха в переговорах?

Вряд ли для меня старалась. Мы ведь тогда нехорошо расстались, поссорились насмерть. И с тех пор она не давала о себе знать. Да и сейчас, судя по реакции, не ожидала встречи.

С трудом переведя взгляд выше, встречаюсь с огромными от удивления глазами. Глазищами: миндалевидными, ярко-карими, лучистыми. Когда-то я считал, что она похожа на сказочную принцессу Жасмин.

Зина. Зинуша. Зита. Моя первая детская любовь. Моя глупая обида. Знала бы ты, как я рад тебя видеть, и что все у тебя вроде бы хорошо...

Справившись с потрясением, она отмирает и настороженно, аккуратно садится за стол напротив. Подобралась, словно готовая в любой момент сорваться с места. Снова сбежать, как уже делала не раз.

Вот только догонять я больше не стану. Думаю, еще будет время объясниться, и она поймет – все прошло, я не собираюсь ничего припоминать. Просто захотелось помочь девочке, в память о старой дружбе.

Нет, не то. В память о дружбе наших семей. Так гораздо лучше.

– Раз вы познакомились, я вас оставляю, – приводит меня в чувство голос ее начальника.

Он ведь что-то говорил все это время, а я не слушал. На Зиту засмотрелся, надо же. Благодарю его, а сам невольно отмечаю, что с его места и с его ростом открывается выгодный обзор на ее откровенное декольте.

Прогоняю неуместные мысли – что я, в самом деле, слюни развесил как малолетка, женскую грудь что ли ни разу не видел! Я собираюсь предложить Зите работу. Говорят, она талантливая, а я не желаю доверять загородный дом чужим людям. Слишком он мне дорог. Ей должно быть тоже, ведь воспоминания о нем у нас во многом общие.

– Ну здравствуй, Зинаида, – чтобы не мучить ее, начинаю первым. – Давно не виделись.

– Ты... – вскидывается она в своей обычной манере, но немедленно берет себя в руки. Все-таки девочка стала совсем взрослой. Другой. И от этого неожиданно становится грустно. – Не ожидала тебя тут увидеть. Ты же вроде уехал, далеко и надолго.

Спокойно говорит, вежливо. Если и нервничает, ничем не

выдает. Голос ее почти тот же, изменилась манера говорить – приглушенно, на низких грудных нотах. Раньше на эмоциях звенел как стекло.

– Не так чтобы очень... Неважно. Я вернулся, надолго, если не навсегда. Дела на мне, вряд ли в ближайшие годы получится кому-то перепоручить.

Кивает с понимающим видом и прячет взгляд за длинными ресницами. Стыдится воспоминаний или растерялась, выражать ли запоздалые соболезнования?

– Значит, дом бабы Лизы теперь твой? – спрашивает, изящным движением кисти отбрасывая локон, упавший на лицо.

Ее волосы снова длинные, темные и блестящие. Как в детстве, только не стянуты в тугие косы отличницы, а роскошной гривой рассыпаны по плечам. На мой взгляд, эта прическа ей больше всего идет. Когда мы в последний раз встречались, она носила кошмарные дреды цвета спелой морковки.

– Да, он очень понравился моей невесте, – отвечаю, исподтишка присматриваясь к ее реакции. – Хотим привести его в порядок до конца лета.

– Решил наконец остепениться? Поздравляю!

Вежливая улыбка – и только. Зита научилась сдерживать чувства. Трудно поверить, такой взрывной характер запросто не переделать. Или ей действительно все равно.

А почему нет? Какой я ждал реакции от человека, с которым несколько лет не виделись? Чего вообще ждал от этой

встречи...

– Понимаю, сроки маловаты, это было спонтанное решение. У нас ведь свадьба через неделю, но Ксюша так вдохновилась, побывав там, что захотела начать немедленно, – продолжаю я разговор.

Зита внимательно слушает и кивает. Уточняет, что именно мы планируем сделать, сроки и бюджет. Мы пока договорились о дизайн-проекте небольшого участка, веранды и внутреннего двора, но, если всех все устроит, сможем поручить ей дом целиком.

– Почему именно мне? – внезапно спрашивает она. Темные глаза глядят с прищуром, недоверчиво. – Я ведь далеко не самый опытный специалист.

Потому что когда я узнал, что она стала дизайнером, первой мыслью было ее нанять. Без каких-либо конкретных целей и причин, просто вдруг понял, что не успокоюсь, если этого не сделаю.

Ради этого, собственно, и затеял срочный ремонт. Моя невеста на нем не сказать чтобы настаивала, она вообще такой привычки не имеет. Всего лишь сказала, что было бы здорово там лето проводить, а я и ухватился.

– Потому что ты хорошо там все знаешь. И понимаешь, что для меня это не просто дача, а место, с которым связаны очень важные воспоминания, – отвечаю с невозмутимым видом. – Для тебя тоже, значит, отнесешься к нему бережно.

– Вот только не начинай, – вспыхивает она. С удовлетво-

рением наблюдаю, что никуда ее характер не делся. Она все та же, моя Зита, просто сейчас на работе, вот и старается вести себя как профессионал. – Извини. Я понимаю, конечно же. И мне действительно нужен этот проект, опыт и все такое... Давай попробуем?

Вопросительно, немного робко, будто не на мое предложение соглашается, а сама обращается с просьбой. Тонкие смуглые пальцы вертят карандаш, выдавая, что она все-таки нервничает. Замечаю, что она все так же не любит яркий маникюр – аккуратные ногти коротко подстрижены.

Надо же, столько времени прошло, а я до сих пор эти мелочи помню...

– Тебе нужен проект, мне тоже нужен проект, так почему бы не помочь друг другу. Все-таки не чужие. К тому же бабушка была бы рада, что ее домом займешься именно ты, – говорю примирительно.

Я ведь не ссориться пришел. Да и сам толком не знаю, зачем пришел – увидеть хотел, наверное, вот и выдумал повод. Просто так она бы, скорее всего, встретиться отказалась.

– Ты больше на меня не злишься? – спрашивает тихонько.

Ей неловко. А мне странно. Когда она здесь, на расстоянии вытянутой руки, всех прошедших лет будто не было, кажется, что недавно расстались. И она другая, но в то же время прежняя. Только вот я изменился, слишком много всякого произошло.

– Ну что ты. Конечно же нет. Это все в прошлом.

Она сделает проект, и сможем считать, что замяли. Вполне сойдет за примирение. Разойдемся если не друзьями, то хоть не в обиде друг на друга. И поставим наконец точку во всей этой истории.

Мы договариваемся встретиться завтра. На объекте – так теперь она называет бабушкин дом. Зита... Зина, надо отучаться называть ее будто близкую подругу, даже в мыслях. Зина за вечер набросает примерные варианты, чтобы было с чего начинать.

Предварительно заезжать и осматриваться на месте ей не надо – она не раз бывала у нас во дворе. Когда жива была моя бабушка, а Зита приезжала в гости к своей, нашей соседке по даче. В детстве каждое лето мы вынужденно становились друзьями. Куда деваться, если скучно, и кроме этой девчонки больше совершенно не с кем играть. А с нею нас разделял лишь простой забор с лазейкой из неприбитой снизу доски.

Чем мы только не занимались в том дворе и на той веранде...

– Совсем что ли? А если баба Лиза увидит? – сердито зашептала Зита, пытаясь вывернуться из моих объятий.

Ее волосы, недавно остриженные в каре, растрепались и забавно торчали на макушке. В сочетании с хмурым взглядом из-под насупленных бровей это делало ее похожей на нахохлившегося воробышка.

И сердце билось быстро-быстро, как у пойманной птички.

– Она в город уехала, в поликлинику, – сказал я, притягивая ее еще ближе. Впечатывая в себя. – Мы с тобой одни.

– Она что, заболела? Что-то серьезное? – напряглась Зита в моих руках. Но вырываться уже не стала.

– Нет, на осмотр, родители еле уговорили. Это надолго.

Не давая больше ни слова сказать, я поцеловал ее. А она ответила, конечно. Меня снова накрыло удушливой волной, и все вокруг перестало существовать. Кроме горячих губ, тонкого гибкого тела и нежной как шелк кожи под ладонями.

– Подожди! Не здесь же, – запротестовала было она, прерываясь с видимой неохотой. – Вдруг во двор заглянет кто!

Безуспешно пытаясь отдышаться, я прижал ее спиной к широкой лавке. Темные волосы разметались, засияли, поймав лучи утреннего солнца. Оно поднялось еще невысоко, залило веранду горячим светом. Яркими мазками позолотило плечо Зиты, тонкую ключицу, скулу, мочку уха. Запутались в ресницах, вынуждая заслонить глаза ладонью...

Утро. Август – все экзамены сданы, а учеба начнется нескоро еще. Времени у нас полно.

Зита молча смотрела на меня. Губы приоткрыты, грудь вздымалась от частого дыхания. Во взгляде смесь испуга и того же неудержимого желания, которое горело во мне самом.

Я просто дурил от этого взгляда.

– Нет. Я хочу здесь...

Телефонный звонок врывается в воспоминания, и они

рассеиваются без следа как обрывки тумана солнечным утром. Остается лишь нежное, едва уловимое сожаление. Ностальгическая печаль – как же все было тогда легко и радостно.

Казалось, что эта радость навсегда, и будет еще лучше. Жизнь виделась увлекательным приключением, впереди ждало только хорошее. Наверное, это и было счастье, а я не понимал.

Звонят настойчиво, нетрудно догадаться, кто это может быть. Только у нее такая привычка. Если не возьму трубку – немедленно начнет трезвонить опять.

Включаю громкую связь и выруливаю со стоянки.

– Да, дорогая.

– Привет, – голос звучит сонно. Первым делом мне звонит, едва глаза открыла. Это так мило. – Ты уже освободился? Как все прошло?

Она права, все прошло, и плохое, и хорошее. А мое будущее – вот оно, мурлычет тихонько в телефоне. У него белокурые волосы, курносый нос с веснушками и привычка спать до обеда.

Ксения. Девушка, в которой я так и не нашел ни единого недостатка – это ли не повод на ней жениться. Мы три года вместе и ни разу всерьез не поссорились. Она самый спокойный, ласковый и понимающий человек на свете. Награда, которую я не иначе как в прошлой жизни заслужил, в этой было нечем.

- Да, солнышко. – Надо бы купить ей какую-нибудь приятную мелочь по дороге, она это любит. – Приеду – расскажу.
- Люблю тебя, – произносит она томно.
- Я тоже. Все, я за рулем. Увидимся.

1.3. Зина

Ловлю себя на том, что тупо пялюсь в экран монитора. На нем – изначальный план участка, ни следа моей работы, как открыла, так и залипла. Сколько я так сижу? Минуту? Час? Не помню. Как-то вдруг потерялась во времени.

Я вообще ничего не понимаю. Что это было? Как к этому относиться? Мысли путаются, сколько ни стараюсь, все не выходит отвлечься от мысленного разглядывания Ника. Такого, каким он стал.

Совсем другой, даже не верится. Чужой человек в знакомом обличье, вот какое чувство рядом с ним возникает.

Или просто резко повзрослел раньше срока, из юности сразу в солидный возраст перепрыгнул. Сейчас он очень похож на отца – тот тоже вечно был при галстуке. А Ник – раздолбаем и тусовщиком. Когда он успел так сильно измениться?..

После смерти отца, конечно же. Чего я туплю. Наверняка разом все дела на него свалили, едва доучился. Я ведь совсем не знаю, как он все это время жил.

Ничего, теперь узнаю. С будущей женой познакомлюсь. Интересно, как долго они вместе? Должно быть, она-то его и поддержала в тяжелые времена.

А я струсил. Поэтому на ней он женится, а я для него чужая.

Так, все. Стоп. Какое мне дело? Это же Павлов, вокруг него всю жизнь девушки толпами выются. Я его сама послала. И прекрасно обходилась без него четыре года.

Прекрасно ли?

Сворачиваю так толком и не начатую работу – все равно не идет. Надо ненадолго переключиться, времени достаточно. Привести в порядок нервы и отвлечься, чтобы вернуться к делу со свежей головой.

Заглядываю в наш дружеский чатик. Макс онлайн, тут же шлет приветы. С ним я обсуждать возвращение Ника не готова. И с Сашкой тоже – хотя мы с ним друзья ближе некуда, но про Павлова он не в курсе. Я про него вообще не особо кому рассказывала.

А обсудить очень хочется. Как назло, Полинка умотала на все выходные. Она бы обрадовалась, ведь ей он был все равно что старший брат. Долго мне его простить не могла, дулась и почти со мной не разговаривала.

Обязательно ей все расскажу, когда домой приедет. А пока что пишу Светланке в личку. Ей можно, ей с самого начала было про нас все известно, лучшая подружка же, с первого класса за одной партой сидели.

«Павлов в городе. Вернулся, вроде как насовсем».

«Какой Павлов? Твой что ли?» – моментально отзывается она.

С досадой морщусь. Никакой он не мой, он какой-то другой девочки. Завтра мне предстоит с ней познакомиться,

кстати.

«Мой сосед, да», – поправляю я подругу.

«Откуда ты узнала? Только не говори, что с ним встречалась!»

С чего вдруг такая реакция, хотела бы я знать. Неужели до сих пор ей небезразличен? Ник нравился Свете, она сама мне признавалась. Но это было так давно, в классе седьмом или восьмом. Детское увлечение, к тому времени, как у нас с ним закрутилось, у нее прошло. Если она не врала, чтобы меня не расстраивать.

«Я по делу встречалась. Он у нас проект заказал. А через неделю он женится, представляешь?»

Тут она не выдерживает – звонит. Требуется подробностей этой сочной сплетни. Приходится ее разочаровать, мне пока рассказывать особо нечего. Но Свете удастся выцыганить обещание позвонить немедленно после встречи.

– Хотела бы я посмотреть на его невесту! Неужели тебе самой не интересно?

– Да так, – отвечаю уклончиво. – Мне главное с ней как с заказчиком договориться.

Вру, конечно. Мне офигеть как интересно. Тем более, загуглить не удалось – Ника нет ни в одной из соцсетей. Старую страницу он давно удалил. Прячет личное или не до того просто. Он же отцовский бизнес ведет. Должно быть, жутко занят.

– Нет, ты подумай: Павлов женится! – не унимается по-

друга. – Если бы кто другой сказал – в жизни бы не поверила! Слушай, а может по залету?

– Откуда мне знать, он передо мной не отчитывается, – фыркаю раздраженно. – Он тебе до сих пор небезразличен, что ли?

– Глупостей не говори. Я в него влюблена была в детстве, в него вообще тогда все девчонки были влюблены – ну что я тебе-то рассказываю. А когда у вас все по-взрослому закрутилось, у меня уже Олежка был, – запинается, и я даже через телефон чувствую, что ей неловко. – Ты вообще как?

– Сама как думаешь? Работу дали. Наконец-то может проект нормальный обломиться, спасибо Павлову за это. Я прекрасно!

Не могу понять, поверила ли она или нет. Светка гораздо больше эмоций лицом выражает, чем словами, а я сейчас ее не вижу. Но новость ее заинтересовала: зовет посидеть где-нибудь, поболтать.

Но мне не до посиделок, надо как следует подготовиться и не ударить в грязь лицом. Ник сейчас для меня в первую очередь заказчик. Так что откладываем до завтра, как раз будет, что рассказать.

А я хочу говорить о нем. Думать о нем. Увидеть его снова. Встретив его спустя годы, понимаю, как сильно скучала. Старалась забыть, перечеркнуть, даже научиться ненавидеть, и вроде бы у меня получалось.

Но лишь один короткий разговор свел на нет все усилия. Я

ничего не забыла. Место, которое Ник когда-то занял в моем сердце, так и осталось за ним, никто не вытеснил. Очень-очень много места...

Вот только я ему больше не нужна, так, решил помочь в память о детской дружбе. Он женится на другой, уже через неделю. Я встретила его, чтобы узнать, что снова теряю, и на этот раз насовсем. По-настоящему.

1.4. Ник

– ...и начала истерить, заявила, что не будет подружкой невесты, потому что если невеста ее вырядит в это, то какая она ей тогда подружка. Лучше она вообще не придет, чем позориться. А то, что когда цвет выбирали, все ради нее на лиловый согласились, мы как бы внезапно забыли. Представляешь?!

Монолог, часть которого я благополучно прослушал, завершается на надрывной ноте. Ксюша ждет моей реакции, но я не понимаю, в чем тут трагедия. Вроде как одной из подружек невесты не понравилось платье.

Первая фраза, которая приходит на ум: «пусть скажет спасибо, что вообще позвали».

Не пойдет. При всех своих достоинствах Ксюша чересчур серьезная девушка, а сейчас еще и на нервах из-за предстоящего события, в котором ей важна каждая мелочь. Мой юмор вряд ли оценит.

– Не волнуйся, вы же подруги. Перестанет дуться и уступит, ведь это все-таки твоя свадьба, – говорю осторожно.

– Что уступит?! Я же сказала – она уже все по-другому сшила, – сердится она. Не угадал. Видимо, есть какой-то особый сакральный смысл в тех чертовых платьях. – Ты меня слушаешь вообще?

Угу, как фон. Голос у нее приятный. Не потому, что я

бесчувственная скотина, просто если вникать в этот бесконечный поток болтовни, то и свихнуться недолго. Я в принципе всегда считал свадьбы апофеозом пафоса и пошлости, выставяемых напоказ, но не представлял, насколько утомительной может быть их организация.

Первое серьезное испытание в совместной жизни. Проверка отношений на прочность: если к моменту росписи нам не захочется друг друга убить, значит, действительно готовы связать себя узами брака...

Какая чушь. Это все для Ксюши, она хочет свадьбу мечты, белое платье, фотосессию и лиловых подружек. А я буду распоследним мудаком, если испорчу ей праздник.

– Солнышко, не расстраивайся. Все равно все будут смотреть только на тебя. Ты и так у меня самая красивая, а если еще в платье как у принцессы... – обнимая ее за талию, ласково бормочу в маленькое розовое ушко. Расслабляется. Видимо, сумел-таки подобрать верные слова. – Подружки просто фоном пойдут. Лиловый фон для белого платья, по-моему, очень красиво.

Вновь напрягается под моей рукой. Отстраняется, чтобы заглянуть в лицо – в глазах недоверие. Да что опять не так-то!

– Откуда ты знаешь, в каком я буду платье?

Ах, да. Жених не должен видеть наряд невесты заранее, примета плохая. Но ведь это свадебные платья, блин, они все одинаковые! Длинные, белые, пышные, иногда еще всякими

стразами и перьями обвешанные.

– Я и не знаю. Просто сказал, что белое, но разве они другими бывают?

– Ты прямо как с луны свалился, – заявляет с таким выражением, словно я ляпнул заведомую глупость. – Оно могло быть жемчужным, айвори, цвета слоновой кости... Да хоть красным, давно уже нет строгих правил.

– Только не красное, – перебиваю я. – По-моему, это как-то чересчур.

Прерывисто вздыхает и продолжает рассказ про подружек, их тряпки, взаимные обидки и роль в предстоящем спектакле. Мне снова достаточно делать вид, что слушаю. Машинально начинаю вставлять фразочки в нужные моменты.

«А ты че?»

«А она че?»

«Да ты че!»

Ксюша плохо скрытой издевки не замечает. Она сейчас и откровенного стеба не заметит, настолько поглощена всей своей мишурой. Думая, что нашла благодарного слушателя, щебечет и щебечет, а я рассеянно перебираю пряди ее волос, размышляя о своем.

Мне нравится, какие они наощупь. Нежные и мягкие, почти как у ребенка. Натуральная блондиночка. Саму ее только цвет устраивает, свои волосы Ксюша не любит и вечно на них жалуется. Мол, хоть и густые, но тонкие и прямые, висят

сосульками, укладку не держат...

Становится стыдно. Это ведь по-прежнему моя Ксюша, спокойная, рассудительная, милая и надежная, как швейцарские часы. Она вовсе не сентиментальная дурочка и не суеверная истеричка, просто из-за свадьбы временное помутнение нашло.

И все равно старается лишний раз меня не дергать, понимая, что мне это неинтересно. Все, чего ждет – чтобы позволил иногда выговориться, вот как сейчас. Успокоится и дальше займется приготовлениями сама. Если и обижается, что я не участвую – ни за что не упрекнет вслух. Для нее главное мир и доверие в отношениях.

Будь на ее месте Зита – хлопнула бы дверью перед носом за один лишь намек на безразличие. Предварительно швырнув что-нибудь из посуды в лучшем случае в стену, а то и целясь мне в голову.

Но Зита не на ее месте, и никогда не будет, как такое вообще в голову пришло! Та Зита, которую я знал, послала меня куда подальше и навсегда осталась в прошлом. А сейчас мы просто знакомые. Учились в одной школе и жили по соседству когда-то. И прошлое ворошить совсем ни к чему. И думать о ней лишний раз – незачем.

– Ох, чуть не забыла, завтра ведь встреча с этой твоей дизайнершей! Как она, кстати? – восклицает Ксюша внезапно, и я рад, что она не видит выражения моего лица в этот момент.

Не зря говорят про особую женскую интуицию. Что-то в этом определенно есть.

– Ну... Вроде в порядке, – произношу безразличным тоном, а сам вспоминаю лучистые глаза, сочные губы и вырез блузки, провокационно приоткрывающий ложбинку между грудей. – А что?

– Зай, а ты не рассердишься?

Поднимает голову с моего плеча, смотрит виновато. И этот «зай» обычно значит, что в чем-то она накосячила.

Но почему она? Вроде как я же...

– На тебя очень трудно сердиться. Что такое, маленькая?

– Понимаешь... Я завтра с организатором договорилась, еще раз все проверить и уточнить. Ведь ровно неделя осталась, каждый день на счету. Потом исправить не получится.

Меня снова будто шилом укололи. Это она про что? Про меня на банкете или про само решение вступить в брак?

– В общем, ты не мог бы с ней один встретиться? Мы ведь уже договорились, что хотим сделать. Я тебе доверяю.

Э, нет. Женскую интуицию все-таки перехвалили. В принципе, оснований мне не доверять у нее еще ни разу не возникало, и повода я не давал. До сих пор был верным и в будущем бегать налево не планирую. Но если представить, что все наоборот, что это Ксюша собирается на встречу с бывшим, да еще наедине...

– Ты уверена? – спрашиваю скорее риторически. Что Зита бывшая, она не знает. И не узнает, ей ни к чему. – А если

что-то пойдет не так?

– Никит, если нам не так построят мангальную зону, ее можно будет переделать. А свадьбу – нет, – резонно возражает Ксюша.

Я говорю: конечно, малыш. Все будет как ты захочешь, ведь это, в конце концов, твой праздник. Уверяю, что справлюсь и что вовсе на нее не обижен, разве только самую малость, ведь она опять меня бросает на целый день, да еще и в выходной.

Смеется. Целует в краешек губ и обещает – зато потом мы всегда будем вместе, пусть только попробую от нее отделаться. Просит быть зайкой и потерпеть, осталось совсем немного.

– А у тебя так легко получается представить, как оно будет потом?

– В смысле? – переспрашивает удивленно.

– После праздника. А то мне в последнее время начинает казаться, что все это затевалось ради самого по себе торжества, остальное как-то на второй план отошло.

– Ну конечно! Я ведь уже была на Гоа! – Ксюша произносит это абсолютно серьезно, но тут же не выдерживает и хихикает. – Да, я знаю, как оно будет. Мы будем жить долго и счастливо, только так, я по-другому не согласна.

Разумеется. У нее все распланировано на годы вперед. Наша долгая и счастливая жизнь, образцовая, словно картинка с рекламного плаката. Папа, мама, я – вместе дружная се-

мья...

– Хорошо, солнышко, делай как тебе удобно, – сдаюсь наконец. – Я сам договарюсь, а с тобой готовый проект обсудим.

Вдруг становится легче. Не придется знакомить ее с Зитой и рассказывать, откуда мы друг друга знаем. Можно вообще промолчать о том, что мы давно знакомы. Сделать вид, что она мне никто.

Я ведь так уже делал когда-то...

Бабушкин голос эхом звенел в ушах: «Присматривай за Зинушей! Ты ведь старший».

Как будто теперь я обязан с этой малявкой до старости нянчиться. Была бы хоть сестра, но она же просто соседка. Да меня пацаны в школе засмеют, позорище!

Я ей сразу сказал, подкараулив во дворе, когда никто не слышал – чтоб не смела за мной хвостом ходить. Но вредная Зинка заявила в ответ, что еще посмотрим, кто за кем бегать будет. Я, конечно, обозвал ее дурой, она – больно ущипнула в ответ. До драки не дошло, но разругались насмерть.

И теперь я в компании друзей шел по одной стороне улицы, она – по другой, в одиночку. Старательно притворяясь, что друг друга знать не знаем.

Незаметно для всех я на нее поглядывал. Сперва чтобы убедиться, что приставать не начнет, а потом просто, сам не соображая, почему. Зинка притягивала взгляд, будто больше

на улице смотреть вдруг стало не на что.

Я и не запомнил толком ничего, только ее. Белые гольфы до колена, подол клетчатой юбки в складку равномерно колышется при ходьбе. Темные волосы стянуты в две тугие косички. Опрятная девочка, будущая отличница, всем ребятам пример.

Она шла впереди, мы – чуть поодаль. Прилежная Зинка торопилась в школу, а мы нарочно замедляли шаг, пиная по тротуару пустую бутылку, вот ей и удалось нас обогнать. Такая маленькая – ранец на спине казался огромным. И такая одинокая...

Все-таки дети жестокие существа. Ее трогательная беззащитность задевала меня, дергала совесть, как больной зуб. Но вместо жалости вызвала какую-то злую досаду. Я был привязан к этой девчонке, быть может, по-своему ее любил. Не понимая собственных чувств, винил в них Зинку.

Хотелось отомстить ей, чем-то задеть, всему миру доказать, что она мне безразлична. Как назло вскоре мне попался тот самый стишок, про резиновую Зину. Лучшей дразнилки никто бы и придумать не сумел.

Я повторял ее всякий раз, когда вспоминал одинокую девочку, бредущую по тротуару. Я должен был тогда пойти рядом, да смелости не хватило. И за это наказывал ее.

Воскресенье. 2.1. Зина

В детстве я ненавидела свое имя. Сейчас от него тоже не прям в восторге, скорее, привыкла. Научилась находить определенные плюсы – оно ведь редкое. В отличие от Лен и Наташ, про меня никто не спросит «которая?», среди всех знакомых Зина я одна.

В студенческие годы смирилась, когда для всех стала Зитой. Меня так даже препода называли. Прилипло намертво, экзотический вариант мне гораздо больше подходит – я от природы смуглая, плюс карие глаза и темные волосы. А про фильм все слышали, вот и прицепилось.

Но раньше я всерьез думала, что мама меня так наказала. Вот младшая сестра хорошо себя ведет, поэтому ее Полиной называли. Меня же Зи-на-и-и-и-идой, как бабушку какую-то. Зинка-корзинка.

Резинка.

Если подумать, выходит, я Павлову за все обиды детства сполна отомстила. Не хотела, но так уж вышло. Нелепо. Сгоряча. По-идиотски. В моем коронном стиле, в общем.

Ник... Простил ли ты меня, или просто отболело?

Он же вон какой. Только внешне себя прежнего напоминает, и то лицо стало острее, что ли, и строгий костюм возраста прибавляет. И хмурая складка между бровями – глубоко врезалась. Видимо, жилось ему не очень весело.

Зато мне вчера вечером телефон оборвали. Суббота же, погода почти летняя, звали тусить. Пришлось звук выключить, чтобы дали спокойно поработать, еще и выслушать вдогонку, что я какая-то скучная.

Кажется, что между мной и Ником не полтора года разницы, а все десять. Серьезный дядя. Заказчик. Женится на следующей неделе...

Я же верчусь перед зеркалом, переодевшись не помню уже в который раз. Комната завалена шмотками – весь шкаф распотрошила. С самого утра собираюсь на чертову встречу, как будто имеет значение, что на мне будет надето.

Ник все равно даст мне эту работу. В память о нашей дружбе. О своей бабушке, царствие небесное. Баба Лиза нас с Полиной любила, меня особенно.

И все равно никто моих стараний не оценит. Там его невеста будет, чтоб ей. Вот на нее он и будет смотреть, любит, наверное.

Даже если не любит, и Светка окажется права насчет брака по залету. Раз между ними что-то было, а после он решил жениться, по-любому не случайная связь. Ник не из тех, кто позволил бы связать себя по рукам и ногам первой встречной. Не в его стиле.

Вздыхнув, снимаю игривый сарафан в стиле пин-ап, белый в яркие вишенки. Мы туда не отдыхать едем. Выуживаю из кучи барахла на диване легкие джинсы, слегка рваные на коленях, облегающие, но не слишком. К ним – короткая фут-

болка оверсайз. Бежевая, с крохотным логотипом на груди. Достаточно неформально для поездки в загородный дом, но не чересчур, по работе все-таки. Не вызывая сексуально – хватит, на мои сиськи Павлов вчера насмотрелся. Но тоненькая маечка при любом движении подчеркивает все что надо. Слегка приоткрывает загорелый живот. Могу себе позволить, я в отличной форме...

Его невеста сто процентов оценит.

Ну и плевать. Что же мне теперь, балахон натягивать, чтобы какая-то левая девица жениха не приревновала?

Немедленно возникает желание сменить джинсы на шортики покороче. Усмехаюсь этой идее. Хватит баловаться. Я даже не крашусь – терпеть не могу носить мейк в жару. И вообще, пора выезжать. Как выяснилось, Ник помимо прочего завел привычку к пунктуальности.

Стоит повернуть с трассы на дорогу в Михайловку, как сердце сжимается от нахлынувших воспоминаний. Наше самое беззаботное время. Детство. Лето у бабушки, малина, арбузы, самые сладкие яблоки с красным бочком. Мелкая прохладная речка, протоки с камышами и лягушками. Старый карагач с веревочными качелями на ветке.

Каждый раз, приезжая туда, мы с сестрой наперегонки бежали к этим качелям. Всегда, в первую очередь. И вот тогда накрывало счастьем – лето, каникулы! Они начались, и впереди еще много-много дней.

Здесь мы повзрослели. Я и Ник.

До сих пор, когда думаю об этом, сердце начинает биться чаще. Как давно я об этом не думала. Как давно я здесь не была... Целую вечность.

Но приезжать больше некуда. Незачем. Все кончилось, осталось в воспоминаниях. Даже сама деревня изменилась.

Теперь и деревней не назовешь. Коттеджный поселок скорее. Вдоль дороги ни одной старенькой избушки не осталось, и дачных развалюх с временками тоже. Добротные новенькие дома. Глухие заборы тянутся по обе стороны.

Раньше в середине мая здесь все утопало в цветущей черемухе и яблонях, теперь только верхушки кое-где над заборами торчат. Неуютно.

Правда, участок Павловых до сих пор среди других выделяется. Возле него самые высокие деревья – голубая ель, старая береза со скворечником, липа. И сам дом красивый. Два этажа и мансарда с круглым окном. Сквозь забор-жалюзи его и с улицы прекрасно видно.

За тем окном гостевая спальня, мы с Полиной в ней ночевали, было дело. Ник предпочитал комнату на первом этаже, чтобы, если что, незаметно выбраться можно было...

А ворота новые поставили - заперты наглухо. Торможу на въезде. Сигналю дважды, как договаривались, и автоматическая створка ползет вверх: проезжай, мол. Добро пожаловать.

Со смешанным чувством радости и щемящей тоски обнаруживаю, что здесь почти ничего не изменилось. Парковку

перед гаражом плиткой выложили, вместо грядок с зеленью – газон.

В целом вид ухоженный, но какой-то нежилой, что ли. Будто всем занимается прислуга, а хозяева изредка приезжают на барбекю. Или вовсе не приезжают, скучно им тут.

Хорошо хоть клумбу под окнами сохранили. Как ее баба Лиза звала, «палисадник». И розы не тронули, летом зацветут.

– Привет. Как добралась?

Ник сбегает по низким ступенькам крыльца. Сколько раз я пересчитывала их босыми ногами! Раз, два, три, а на четвертый – шагнуть на землю. Вернее, на резиновый коврик, баба Лиза не пускала на порог, пока как следует ноги не вытрешь.

Сейчас коврика нет, но я все равно притормаживаю перед лестницей. На автомате, как когда-то приучили.

2.2

– Нормально, дороги свободные, на выезде только немного постоять пришлось, – тараторю с непринужденным видом.
– Те, кто проспал, рванули на шашлыки... Смотрю, за домом хорошо ухаживали? Или здесь кто-то живет?

Ну какое мне дело! И вообще, слишком много говорю. Слишком нервничаю. Надо взять себя в руки.

– Я навел порядок, когда вернулся. Нанял людей, которые за территорией следят. Ты же знаешь, мама не любит сюда приезжать.

Чтобы случайно не сболтнуть лишнего, молча киваю в ответ. Меня его мама не любит тоже. Не любила. Сейчас, должно быть, перекрестилась и забыла как страшный сон.

Ник улыбается – сдержанно, не размыкая губ – и предлагает расположиться прямо здесь, на веранде.

Эта улыбка... В ней нет ни капельки тепла, и глаза за стеклами солнечных очков прячутся. Словно начал скупиться на проявление живых эмоций, а ведь раньше его улыбкой можно было целую улицу осветить.

А в глазах вечно чертики плясали. Казалось, всякий раз на что-то меня подначивал, когда наши взгляды встречались. Прыгнуть с обрыва в реку. Своровать соседские яблоки.

Бросить все и уехать с ним в Питер насовсем.

– Чаю или чего-нибудь освежающего? – предлагает Ник.

Время безумных поступков прошло. – Ты не голодна? Есть сэндвичи, но я мог бы...

– Не парься, я ведь по работе приехала, не в гости, – невольно усмехаюсь на это. – Лучше покажи дом, если время терпит.

– Неважно. Я как гостеприимный хозяин должен о тебе позаботиться. Так что не стесняйся, – возражает с убийственной серьезностью. Ник, камон, ты ли это? Не подменили? – С удовольствием все покажу, а пока осмотришь тут, я на минуту. Чайник поставлю.

Он скрывается за дверью, а я остаюсь одна в ожидании чайной церемонии. Интересно, где его невеста? Не приехала еще? Они что, не вместе ездят?

Мне, конечно, любопытно, но лучше бы и не приезжала. И от бутеров я зря отказываюсь – гораздо приятнее было бы поболтать за столом. Потянуть время, побыть с ним рядом. Иначе осмотрю дом – и повода здесь находиться не останется.

При мысли о том, что теперь в принципе нужен повод, становится горько. Раньше достаточно было просто пролезть в дыру в заборе...

– У вас уютно, – сказал Никита, заходя следом за мной в нашу с Полинкой комнату.

Еще бы. Мама вчера нас весь вечер гоняла, пока порядок не навели. Сыночек Павловых пожаловать изволит, как же!

Видел бы он наш обычный бардак, удрал бы в ужасе, роняя тапки.

Но, пусть вчера эти приготовления бесили, сегодня неожиданно приятно, что он нашу квартиру хвалит. И я решила вспомнить все то, что, по мнению взрослых, должна делать гостеприимная хозяйка.

– Иди мой руки, и я тебе квартиру покажу, – распорядилась я с церемонным видом. Даже включила для него свет в ванной. – Вот здесь у нас кухня...

– А можно я печенье возьму? – перебил он и поспешно добавил: – Пожалуйста.

– Ты есть что ли хочешь? – спросила я, чувствуя, что и у самой в животе заурчало.

Мы ведь сразу после школы пришли. Растущие организмы, голодные как волки.

Вообще-то Никиту отправили помогать мне с математикой, но мы оба были совсем не против оттянуть этот момент. И я полезла в холодильник, неторопливо рассказывая о его содержимом.

– Есть макароны и котлеты вчерашние. Есть суп, я тебе сейчас разогрею...

– Не надо суп, – скривился Никита. Я была с ним солидарна.

– Есть варенье, помидоры и крошечный тревожный пирог.

– Какой-какой пирог? – переспросил он удивленно.

Я достала фирменный мамин пирог. Творожный, посыпанный крошками. Который надлежало есть после супа и котлет и никак иначе. Но гостю ведь можно? Значит, и мне заодно.

– А, лакомка... Ничего себе, крошечный! Какой же у вас тогда большой?

– Мама его так называет. Будешь?

– Спрашиваешь! А компот есть?

Компота не оказалось, и мы развели холодным кипятком малиновое варенье. Наевшись пирогом, поиграли с Баськой, тогда еще котенком. Посмотрели мультики. Пока не обнаружилось, что времени осталось всего ничего. Пришлось-таки сесть за ненавистную математику.

– Икс равен двенадцати. А этот график выглядит вот так, – не выдержав, как я туплю, Ник наскоро нарисовал от руки. Идеально ровно. – Ну что тут вообще непонятного?

– Ты просто на год старше, – проворчала я обиженно. – А как ты вот это посчитал?

– В уме, что там считать-то.

В тот день я впервые поняла, какой он на самом деле умный. Просто ведет себя как полный раздолбай, вот никто его всерьез и не воспринимает.

– Почему у тебя оценки плохие, ты же лучше меня во всем шарить? – удивилась я. – А я, между прочим, отличница.

– Зубрила ты, – фыркнул он в ответ и дернул меня за косу. – А гении все в школе плохо учились.

– Тоже мне, гений! Подумаешь, задачку для младшего класса решил, много ума не надо!

– А у тебя и столько нет.

– Дурак!

– Тупица!

– Мажорчик!

– Заучка!

Вернувшись с работы, мама застала нашу драку. Как назло подгадывала. Неделю мы оба провели без прогулок, интернета и карманных денег. Сидели по своим углам и изо всех сил ненавидели друг друга.

2.3. Ник

– А мы твою невесту ждать не будем? – спрашивает Зита, едва перешагнув порог.

Вполне резонный вопрос, мы ведь втроем договаривались встретиться. Но почему-то становится неловко. Будто я сюда ее заманил под предлогом деловой встречи и нарочно подстроил, чтобы остаться наедине.

Но я ведь не подстраивал. Это все Ксюша, полностью ее инициатива.

– Извини, сразу не сказал. Она не смогла приехать, предсвадебные хлопоты, то-се...

– Понимаю, – кивает Зита, приподнимая уголок губ в ухмылке. Какие у нее все-таки губы! Идеальные. – Жаль, я так хотела познакомиться с этой отважной женщиной! И девчонки сплетен ждут... Мы точно сможем без нее все решить? Если хочешь закончить к сроку, о котором говорил, у нас каждый день на счету. Переделать в последний момент не получится, тем более сейчас разгар сезона. Весной все начинают строиться.

– Точно. Она мне доверяет, – подтверждаю с полной уверенностью.

Повода не доверять я ни разу не давал. За все время, пока мы вместе, никогда Ксюшку не обманывал, а на других девушек так и вовсе не смотрел. Насмотрелся, хорош. Выбрал

самую лучшую.

– Повезло тебе с ней, – произносит Зита так, что непонятно, искренне она или насмехается. – Тогда позволь продемонстрировать свои наработки. Я старалась по-максимуму сохранить все в первоизданном виде. Если вас устроит бассейн в форме почки, рубить деревья не придется. Вот этот вариант, например. По-моему, очень гармонично впишется.

Тон ее меняется на деловой, и выражение лица подобающее. Она с искренним увлечением показывает все, что для нас напридумывала – работу свою явно любит. И способности явно есть – мне ее идеи нравятся. А еще она умеет так рассказать, что я прямо как наяву вижу, как преобразится мой двор.

– Ну? Что скажешь?

– Ты молодец. Уверен, получится здорово, – отвечаю совершенно честно, с удовольствием наблюдая, как она выдыхает с облегчением. – Правда, немного странное ощущение. Ведь все будет совсем другим. Прежним это место останется лишь географически.

Так же как и ты, Зита. Формально ты та же девчонка с соседнего двора, внучка лучшей бабушкиной подруги. И внешне почти не изменилась – стиль, прическа и макияж вовсе не то, что делает тебя тобой. Сколько раз ты только при мне их меняла!

Но никогда, даже в периоды страшной ссоры, я не чувствовал себя рядом с тобой так скованно. Мог себе позво-

лить выругаться, или обнять тебя, или рывкнуть, или даже ущипнуть за задницу – в зависимости от отношений между нами на тот момент.

А сейчас даже коснуться невыносимо. Разве что случайно, и немедленно за такую вольность извиниться.

– Здесь уже все другое, времена меняются, – пожимает плечами она. – И потребности тоже. Когда мы сюда приезжали на каникулы, бассейны местные дачники только в кино видали.

Непробиваемая. Признаться, я смутно на что-то надеялся, приглашая ее сюда. Что в старом бабушкином доме проснутся воспоминания, солнечные, хорошие, ведь плохое уже после было и не здесь. Что растормошат чувства, растопят лед между нами.

Для чего? Я и сам толком не представляю. Наверное, она последнее, что связывает меня с той, прошлой жизнью. В которой она была всегда, даже если не рядом, все равно незримо присутствовала. Словно с ней могло вернуться что-то очень важное. Часть меня самого.

Мы больше не соседи – они продали дачу, давно уже, я узнавал. И близкими друзьями стать вряд ли получится. Но хотя бы приятелями могли бы?

Бесполезно. Зита поглощена своими эскизами, уткнулась в них, отчужденная. Дом ее волнует, как старый пациент, которого нужно поставить на ноги. Я – нет, даже шутит хоть и по-дружески, но осторожно и лишь из вежливости.

– Да, конечно. Ностальгия накатила, я ведь тоже здесь почти не бывал. Надеюсь, теперь будем жить тут целое лето, – говорю, наблюдая как она сворачивает все окна и захлопывает маленький серебристый ноут. – Ты хотела осмотреть дом?

А я буду смотреть на тебя. На очертания груди под тонкой маечкой, на этот раз целомудренно упакованной в плотные бельевые доспехи. На то и дело мелькающую полоску загорелой кожи живота. На обтянутые джинсой округлые ягодицы – я намеренно пропускаю ее вперед на лестнице.

Она поднимается медленно, озираясь. Как бы аккуратно пробуя ступени. Прежняя Зита преодолевала пролет едва ни бегом, перескакивая через ступеньку. Ей было лениво тратить время и силы на долгий подъем, лучше после отдышаться.

– Кажется, я понимаю, о чем ты, – произносит она, при-
смирив. – Так пусто. Даже там, где мебель оставили.

Внутри меня до сих пор такая же неуютная пустота. Вроде бы заполняю жизнь чем-то новым, все уже почти заполнил: работа, собственноручно обставленная новенькая квартира, престижное хобби. Невеста, если не само совершенство, то близкая к тому. Друзей мало, но на дружбу просто-напросто не остается времени.

– Но мы это исправим! – бодро продолжает Зита.

– Правда?

– Не вижу проблем. И довольно быстро. Если, конечно, не хочешь что-то всерьез поменять.

– Вообще-то не планировал, – заверяю, пожалуй, чересчур поспешно.

Мы как будто ведем некую тайную игру. Обмениваемся фразами со скрытым от посторонних контекстом. Но перед кем притворяться, нас ведь никто больше не слышит!

Зита наверняка тоже это замечает, не может не замечать. Она всегда была умной. И наблюдательной. Правда, такой спектакль не в ее стиле, она предпочитает выкладывать все напрямую. Предпочитала...

– Вот и прекрасно, так гораздо проще, – улыбается она. Вежливо, без искреннего веселья. – Это хорошо, когда точно знаешь, чего хочешь.

– Точно не уверен, надеялся, что ты мне поможешь.

– Разумеется. Ты для этого меня и позвал.

2.4

Надо бы сразу договориться, чтобы она занялась всем домом целиком. И лично следила за ремонтом и прочим. Хотя... Лучше после, когда из отпуска вернусь. Буду заезжать, смотреть, как идут дела.

Мне по-прежнему нравится с ней общаться. Наверное, не очень красиво с моей стороны, ведь у нее наверняка были планы на воскресенье, но я задерживаю ее дольше, чем нужно. Затеваю обсуждение ремонта, детально расспрашивая про каждый из предложенных ею вариантов.

В этом нет необходимости, просто не хочу ее отпускать. Незаметно присматриваюсь, ища знакомые черты. Ее смех. Манера строго смотреть исподлобья, если чем-то недовольна. Забавно поджимать губы, когда пытается скрыть улыбку. Увлекаясь, она то и дело забывает изображать солидность, становится почти прежней Зитой. Той, кому вечно не сиделось на месте.

Она не торопится. Не заглядывает в телефон, не следит за временем. Выходит, планов на сегодня у нее нет. Возникает мыслишка бросить все и устроить нормальный отдых – мы же в загородном доме, в конце-то концов! Метнуться в райцентр за мясом, шашлычка пожарить. На реку сходить. Купаться еще рано, но места там красивые.

Это настолько неуместно, что даже озвучить не решусь.

Отдых меня ждет через неделю. С Ксюшей. На берегу океана. А наш с Зитой разговор подошел к логическому завершению. Приходится прощаться, дольше ее задерживать совершенно незачем.

Провожая ее – выехав за ворота, она машет мне рукой на прощание. Только когда маленькая красная машина скрывается за поворотом, достаю телефон. Десяток сообщений от Ксюши. Отчитывается обо всем, что они там решили с организатором свадьбы. Просматриваю по диагонали – мне это неинтересно.

Спрашивает, как прошла встреча. Отвечаю, что хорошо. Что мы обо всем договорились. Что бассейн я думаю сделать в форме почки.

«Супер! Я заехала в магазин, скоро буду. Целую», – пишет она.

Ей тоже неинтересно, в форме почки я выбрал бассейн или в форме селезенки. У нее сейчас есть дела гораздо важнее. Те, о которых меня уже достало слушать.

А много ли у нас того, что действительно интересно обоим? Искренне, не из желания друг к другу подольститься?

Почему-то я никогда всерьез не задумывался об этом. Все казалось, что это нормально: Ксюша такая девочка-девочка, милая и домашняя. И увлечения соответствующие – мода, пляжный отдых, кулинарные курсы. Недавно решила завести маленькую собачку, собирает информацию... Не о бизнесе же с ней говорить, в самом деле, мне этих разговоров

на работе хватает. А ее щебетание о пустяках расслабляет, вроде пения канарейки.

Но ведь так – правильно. Мне ведь жена нужна, а не боевой товарищ. Уютная атмосфера в доме, красивая и милая женщина, с которой и самому легко, и в люди выйти не стыдно.

Так какого хрена я вдруг сомневаюсь накануне свадьбы, как последний мудак?

Не потому ли уцепился за эту возможность встретиться с прошлым, что сомневаюсь? Ведь, если разобраться, Зита была единственной девушкой, которую я по-настоящему любил. Ксюшу я тоже люблю, но иначе, между нами особая близость, полное доверие, уважение, в конце концов, банальная привычка, чего скрывать. Рядом с ней комфортно. Наши отношения – идеальные.

Наверное, именно это правильно будет назвать любовью. Но почему-то вслух могу, а для себя не получается.

С Зитой было по-другому. После первой же нашей близости я стал ею одержим. Против воли, доводов рассудка – какое там, у меня мозг рядом с ней отключался напрочь. Я не строил планов. Ничего от нее не ждал, тем более не требовал. Все прощал: стоило ей подойти ближе чем на метр, между нами такая искра проскакивала, что выжигала все, кроме желания ею обладать.

Мы вечно ссорились, сколько себя помню. Но никогда не мирились. Ни разу не слышал, чтобы она просила прощения,

и сам не просил. Никто из нас не признавал, что неправ, и не пытался принуждать к этому другого. Просто начинали общаться заново, не вели обидам счет.

Если вспомнить, что мы друг с другом вытворяли... Любую другую за такие косяки убил бы, честное слово. А Зита... Это же Зита. Ей я позволял что угодно, да и попробуй не позволь. Кто в своем уме станет бороться со стихийным явлением? Вот и я не боролся.

Пока она мою гордость не растоптала. Не бросила меня в тот момент, когда нужна была как воздух.

Наверное, здесь больше всего подошло бы слово «предательство». Но как-то оно слишком пафосно звучит. И обидно, а обижать ее я не хочу. Никогда не хотел, несмотря ни на что.

2.5. Зина

Что это за хрень, Павлов, мать твою?!

Меня буквально трясет, приходится руль из всех сил сжимать. Все же в прошлом, успокоились, забыли. Жизнь наладили, кто как сумел. Зачем снова ворошить?

Заче-е-е-ем!

О чем он думал, когда меня сюда звал? Еще и наедине, без своей ненаглядной. Решил проверить, насколько крепки его чувства? Или гульнуть напоследок. Прощание с холостой жизнью, все дела. Я вариант проверенный.

С холодной расчетливостью я думаю: а почему бы и нет. Мы могли бы отлично провести вечерок-другой. Без обязательств, без последствий – гарантированно, ведь он женится. Тем более, вариант в самом деле проверенный: к чему себе врать, он хорош.

Да что там – он лучший. Разве я не сравнивала иногда с ним своих любовников? Такой эталон, принятый для оценки: нормально, где-то на половину Ника. Или: отлично, почти как Ник. Или: отстой, на четверть Ника не тянет...

Зинаида, ты шлюха.

Одергиваю себя – закатай губу. Он ни намека не сделал. Зла не держит, и на том спасибо. Я сама приняла решение с ним расстаться. Насовсем. Я никогда никому не даю вторых шансов, это тупо – какой смысл, если с первого не получи-

лось? Лошадь сдохла – слезь.

Просто ностальгия накатила. Воспоминания детства, трогательная первая любовь, первые поцелуи, всякое такое.

От этой мысли смеюсь в голос. Трогательная, как же. Где Ник и где романтика. Рядом не ночевала.

– Зи-и-и-ин, а ты чего делаешь?

Обернувшись, я увидела Никиту. Точнее, локти и грустное лицо над забором, сплошняком покрытые пятнами мази, белыми на фоне загара – такой леопард наоборот. Леопард маялся. Его заперли на карантин.

– Уйди, заразный, – фыркнула я и снова уселась к нему спиной.

Я была занята. Кукла Катя пришла в гости к кукле Марианне, они пили всамделишный чай из почти как настоящих чашек, только маленьких. Чай специально с завтрака припасла.

– Сколько ложечек сахара вам положить? – спросила Катя у Марианны.

– Мне, пожалуйста, три ложечки, спасибо, дорогуша.

– Ой, что вы-что вы!

Позади раздалась возня и сопение. Заразный Никитка никуда уходить не желал. Наоборот, продолжил канючить.

– Зи-и-и-ин, мне скучно...

– Отстань. С Тяпой играй. Не хочу ветрянку.

– А я тут три недели буду, – сообщил хитрый сосед. – А

тебя в город заберут. В садик, манную кашу есть с комками. И молоко. С пенками.

Это был весомый аргумент. Бабушка уже давно грозилась, что скоро мать за мной приедет, ей и буду капризы устраивать. Запах молока с пенками как взаправду почуяла. Но самое главное, в садике тихий час. И стул для баловников в углу, на котором я частый гость.

– А ветрянка – это больно? – спросила на всякий случай. Подойдя к забору, но держась на безопасном расстоянии.

– Не, чешется просто и на реку нельзя, – беспечно отмахнулся Никитка. – Ну что, заразить? Вместе играть будем, разным можно.

Риск того стоил. Озираясь, чтоб не увидел никто, мы встретились в кустах жасмина рядом с секретной лазейкой в заборе. Поиграли в стройку – он подвозил песок на самосвале, а кукла Марианна была начальник участка. Съели яблоко, откусывая по очереди, чтобы наверняка.

– Ну как? Заболела?

Я прислушалась к своему организму. Ничего не чесалось, и вообще я оставалась подозрительно здоровой.

– Кажется, нет. А ты вообще знаешь, как заражают?

Он подумал немного, взглянул на меня с загадочным прищуром, и сказал, что знает. Но только если я поклянусь сердцем матери, что не разболтаю. Предвкушая что-то жуткое, я поклялась этой самой страшной клятвой, которую мы знали.

– Ты должна меня поцеловать! По-настоящему.

– Что, прямо в губы? – переспросила я с ужасом.

Никитка скривился и кивнул. В тот момент заболеть ветрянкой мне очень хотелось. Зажмурившись, я вытянула губы трубочкой, прижала к его губам и мысленно досчитала до пяти.

– Ты че, по-настоящему это с языками, в кино не смотрела что ли! – произнес он презрительно. – Малявка. Давай, у меня еще яблоко есть, потом дам откусить, чтоб не так противно было.

И высунул розовый кончик языка. Преодолевая отвращение, я мазнула по нему своим и тут же отстранилась. Принялась тереть язык ладошкой.

– Фу! Слюни!

– Бе-е-е, гадость! – согласился Никитка, отплевываясь. – На, кусай.

Мы разделили последнее яблоко и поклялись, что больше никогда не будем ни с кем целоваться. Даже в щечку. Кто только такое выдумал!

Ветрянкой я тогда так и не заболела, иммунитет крепким оказался. Мы оба сделали вид, что забыли об этом случае. Но до сих пор вспоминаю и смеюсь. Мой первый поцелуй. С покрытым сыпью соседским мальчишкой, которому было очень скучно.

Правда, потом до Ника все-таки дошло, зачем это делается. Он и мне объяснил. На примере. Но об этом вспоминать

совершенно ни к чему.

И вообще, с кем я только с тех пор не целовалась! Если каждого вспоминать, ни на что другое времени не останется.

Кому я вру, вспоминается только Ник. Намертво в память врезался. Закрываю глаза – и будто взаправду чувствую его горячие требовательные губы. Прикосновение языка – это вовсе не противно, наоборот. Сводит с ума, заставляет желать большего...

С ним все было впервые, вообще все. Этого не изменишь. Не вытравишь из мыслей, даже если запретить себе о нем думать, тело помнит. Ник оставил невидимый, нестираемый след, выжиг клеймо, везде, я ведь принадлежала ему целиком, пусть и недолго.

Так, что испугалась и решила сбежать. Разорвать эту связь. Вырваться.

Кажется, все это время я бегала по кругу. Мы снова пересеклись, и меня тянет к нему как магнитом. Несмотря на то, что не нужна ему больше. Что нашел себе другую – я ее не знаю, но заочно ненавижу. Что друг для друга в наших жизнях места нет, и не было никогда.

Я его верну. Как-нибудь, хотя бы на чуть-чуть – на многое и не претендую. Мне достаточно совсем крохотного местечка. И совесть не замучает. Кем бы ни была его невеста, с ней он не счастлив. Я-то прекрасно помню, какой Ник, когда счастливый.

А сейчас он словно погасший. Будто вполсилы живет,

в полусне, действует на автомате по каким-то надуманным правилам. Как положено.

Мне он таким не нравится, не могу объяснить, почему. Не хочу, чтобы он навсегда таким оставался, замороженным...

Звонит телефон, и я дергаюсь от неожиданности. Вот истеричка, такими темпами и до аварии недалеко!

– Але, ты там про меня случайно не забыла? – раздается бодрый Светкин голос. Точно. Я ведь обещала, что ее наберу.

– Я случайно за рулем. Как до города доеду – позвоню, если что, можем сразу пересечься.

– До сих пор? Ты же два часа назад должна была дома быть, – удивляется она и добавляет ехидно: – Или вам кроме работы нашлось, чем заняться?

Если бы. Павлов кремень.

– Не смешно. Давай, увидимся.

Мы встречаемся в кафе с летней верандой – она уже открыта. Домой я все же заехала, поставила машину, чтобы позволить себе употребить чего-нибудь успокоительно-го. Только после бокала холодного лагеря тугой узел внутри немного ослаб.

Я обретаю способность связно мыслить. Рассказываю, не вдаваясь в подробности – встретились, все обсудили. Ничего интересного. Меня даже нервяк не трясет. Но Света все равно о чем-то догадывается. Смотрит подозрительно и с явным неодобрением.

Плевать. Ее это не касается. Никого не касается. Моя жизнь, как хочу, так и прожигаю. Вот так-то.

– Только не говори, что опять.

– Опять что? – прикидываюсь душой. – Пиццу будешь? Нет? Я тогда доем.

Забираю с тарелки последний кусок и принимаюсь жевать. Типа, больше мне сказать нечего.

– Он женится. С твоей стороны это как-то совсем уж некрасиво, – не унимается подруга.

– Хватит душить. И вообще, я-то тут при чем? Не я ему как снег на голову упала.

Выручает телефон. Санек. Вот что значит настоящий друг, чувствует, когда он нужен. Отмахиваясь от Светкиных нравоучений, беру трубку.

Мой драгоценный дружище хочет где-нибудь посидеть. С радостью зову к нам присоединиться – он и живет рядом, за десять минут можно дойти.

Вскоре за нашим столом собирается целая компания. Сашка приходит со своей девчонкой. Подтягивается Макс, приводит Маринку – с ней я не сказать чтоб дружила, но иногда мы ударно отжигаем по заведениям.

Ее из наших девчонок никто не любит, считают шлюхой. А мне ее жаль – подумаешь, какая разница, что у нее в койке творится. Зато она веселая. И на подъем легкая, всегда за любой движ.

Минутка откровений закончилась, к явному неудоволь-

ствию Светки. Мы пьем пиво, обедаемся пищей, а вечером решаем переместиться куда-нибудь, где повеселей.

Скоро я забываю о Павлове, его невесте, работе и вообще обо всем. Здесь, в полутемном зале, музыка грохочет так, что перестаешь слышать собственные мысли. Яркие блики преломляются в цветных коктейлях. Пульсация басов замечает стук сердца. В едином темпе, для всех. Мы здесь все на одной волне.

Мы с Маринкой в центре танцпола. Тела вокруг колышутся сплошной человеческой массой. Иногда взгляд выхватывает из нее чье-то лицо.

Мы в центре внимания. Музыка качает – не останавливайся, лови ритм. Чьи-то руки ложатся мне на талию – не оборачиваюсь, какая разница, с кем двигаться в такт. Танцевать, пока не кончатся силы. До самого рассвета.

2.6. Ник

Я бронирую столик в ресторане на вечер. Заказываю курьером цветы – их доставляют как раз вовремя, когда мы выбрали блюда, а официант налил вино в бокалы. Ксюша радуется букету, будто в первый раз. Она всегда ценит знаки внимания, так, что немедленно возникает желание радовать ее чаще.

– По какому поводу праздник? – улыбается, чуть пригубив вина.

Этого бокала ей хватит на весь вечер – алкоголь она почти не употребляет. Шумных вечеринок тоже не любит, предпочтет романтическое свидание в приятном месте. Как сейчас, например.

– Разве нам нужен повод? Просто захотелось немного развеяться, – говорю я, с удовольствием ее разглядывая. – Ты мне в последние дни не нравишься, слишком нервничаешь.

Выглядит Ксюша безупречно. На ней небесно-голубое платье, волосы собраны, открывая длинную шею. Голые плечи покрыты легким загаром. На груди слезой блестит подвеска с бриллиантом – мой подарок. Она каждый из них носит.

– Вот как? А говорил, что любишь, – с притворной обидой надувает губки. – Жениться даже решил. А теперь не нравлюсь, значит?

Да, черт возьми. В последнее время ее суетливость и бесконечное обсуждение всякой ерунды конкретно подбешивает. Не понимаю, зачем нужны такие праздники, перед которыми неделями надо трепать нервы себе и окружающим? В чем радость? Фотки выложить? Перед подружками выпендриться?

– Ты – лучшая, – произношу вслух.

Совершенно искренне, ведь не просто так я ее выбрал. А выбирать было из чего, в желающих у меня никогда не было недостатка. Хоть по-серьезному, хоть на одну ночь.

Пытаюсь вспомнить, посылала ли меня хоть одна девчонка кроме Зиты. Сложный вопрос, ведь у меня ни до, ни после нее длительных отношений и не было. Да и то, что было с ней, отношениями сложно назвать. Совсем не то, что у нас с Ксюшей.

Хватит сравнивать. Это, в конце концов, свинство. Хватит вообще о ней думать. Увиделись, словили ностальгию, убедились, что давно стали друг другу чужими, и хорош. Не стоит с ней вообще больше встречаться, вот что. А если все-таки потребуется – Ксюшу с собой возьму.

– О чем ты думаешь? – прерывает она мои размышления.
– У тебя такой серьезный вид вдруг стал. Проблемы на работе?

– Как обычно, – усмехаюсь в ответ. – Столько всего надо успеть до отъезда.

Кстати, да. Мне бы переключиться на работу, она никуда

не делась. Я ведь ею меньше года занимаюсь, только начал во все вникать, а авторитет в глазах подчиненных до сих пор так себе. Для суровых геодезистов, бурильщиков и геологов, опытных специалистов в своем деле, я салага. Папенькин сын. Вот отца они по-настоящему уважали, мне еще пахать и пахать, чтобы такое отношение заслужить.

– Прости, я со всей этой подготовкой совершенно твоими делами не интересуюсь, – говорит Ксюша виновато.

– Солнышко, поверь мне, они совсем не интересные. Если не хочешь переквалифицироваться в специалиста по инженерным изысканиям, конечно.

На самом деле, мне бы самому сменить квалификацию не мешало бы, раз пришлось стать владельцем крупнейшей компании в регионе. Запоздало жалею, что в свое время послушался и не пошел по стопам отца. Тогда и в голову не приходило, что рано или поздно придется сменить его на посту, я вообще не желал этим заниматься.

Тем более не думалось, что это случится так скоро...

– У меня для этого ума маловато, – смеется Ксюша.

– Скажешь тоже!

– Я хочу быть домохозяйкой.

Я не против, пусть занимается, чем хочет. До того как уволиться и переехать сюда со мной, она перекладывала бумажки в офисе за какие-то копейки. По моим меркам, такой зарплаты разве что на конфетки хватит. Мы без нее точно проживем.

– Не заскучаешь? – спрашиваю просто чтобы поддержать беседу.

Мне нравится общаться с Ксюшей. Ее манера говорить, спокойная, почти без жестикуляции. Прикусывать губу, когда задумывается и подбирает слова. Ее голос, нежный, какой-то даже ласковый. Она никогда не срывается на крик, даже если злится. Правда, и злится она очень-очень редко, особенно на меня.

– Нет конечно! Почему все думают, что домохозяйки только и делают, что смотрят сериалы и деградируют? – с пылом возражает она. – Наоборот, столько свободного времени для творчества и саморазвития...

– Я так не думаю. Моя мама домохозяйка, никто не скажет, что она деградирует.

– Твоя мама замечательная, – соглашается Ксюша.

Они быстро нашли общий язык, мама ее любит. Моя невеста ей заочно понравилась, еще до знакомства. Стоило только узнать, что у меня наконец-то появилась постоянная подруга и я «забыл об этой дурной девчонке». Это она про Зиту, разумеется.

«А я и не забыл, ха-ха», – проскальзывает идиотская мыслишка, но я не заостряю на ней внимание.

– Она тоже от тебя в восторге, – говорю своей прекрасной собеседнице. – Сказала, что теперь за меня спокойна, передает в надежные руки.

– Ну уж, – отмахивается она. Но я вижу, что ей приятно.

Она и сама все знает. Они не раз ходили куда-то вместе. По магазинам, например, или на фитнес, или в салон красоты. Не знаю, о чем они общались, но возвращалась Ксюша довольная. В последнее время она видится с моей матерью куда чаще, чем я.

У нас после смерти отца вообще довольно прохладные отношения. Вернее, после ее второго замужества, случившегося подозрительно скоро. С ее новым мужем я ни разу не встречался после знакомства, и в мамином доме ноги моей больше не было. Она обижается, конечно, но...

– Если ты опять сомневаешься по поводу своей семьи, то не беспокойся. Мы все обсудили, твой отчим на свадьбу не придет, – будто подслушав мысли, сообщает Ксюша. – Не хочет навязываться и портить праздник.

– Он мне не отчим, – огрызаюсь, не успевая сдержаться.

Немедленно извиняюсь – она совершенно не при чем. Я ей даже общаться с ним не запрещаю, ведь ей он ничего плохого не сделал. Глупо впутывать ее в свои проблемы. Но все же мне не нравится, когда она упоминает об этом человеке. Пусть из желания помочь.

Я улыбаюсь, благодарю за поддержку и перевожу разговор на другую тему. Сейчас это проще простого: достаточно любого вопроса про грядущую свадьбу, и Ксюша охотно рассказывает, как все продвигается.

Вяло ковыряю вилкой салат и слушаю ее голос. Жаль, что нельзя бросить все и снова отсюда уехать. Вернуться в Пи-

тер, ведь пока мы жили там, все было легко и просто. Мы работали, много гуляли по городу, ходили в кино и на концерты. Встречались с друзьями.

Да, в это время дядя тянул наш семейный бизнес, мне только деньги переводил. Но я еще не доучившись работу нашел, и без тех денег справились бы. Во многом пришлось бы себе отказывать, ну и ладно. Со временем я бы непременно достиг большего.

Вот только кому бы тогда все досталось? Все, во что отец столько сил вложил. Этому, маминому мужу? Не могу я такого допустить, это ведь предательство. И деньги тут не при чем.

Понедельник. 3.1. Зина

– Ну когда же ты наконец повзрослеешь!

Голос Полинки выдергивает меня из сна, больше похожего на кому. Значит, ночевать я вчера все-таки пришла домой. Уже хорошо. Знать бы еще, во сколько...

– Не ори. Лучше принеси водички, – бормочу, с трудом заставляя себя открыть глаза.

Сестра стоит, держа в руке мой телефон. Глядит неодобрительно. Пытаюсь вспомнить окончание вечера – я как-то накосячила? Вроде бы нет. Потанцевала, вызвала такси – и баиньки.

– Вставай, блин, у тебя будильник два раза звонил, – не отстает Полинка. – На работу не собираешься?

– Кажется, работать сегодня некому...

– Эй, ты это прекрати! Кто тогда нас будет содержать?

Поговори мне еще, содержанка! А на работу можно сегодня прийти позже, я ведь проект взяла? Взяла. Совру, что поехала на объект. Или вообще отпрошусь на удаленку. Запрошу прайсы, выберу гриль спокойно, насчет бассейна договорюсь...

– Замуж выйди, – ворчу, отворачиваясь к стене.

– Сама выйди, ты у нас старшая. Пора остепениться, а не приползать домой на бровях в три часа ночи.

Значит, в три. Странно, почему тогда так не выпалась?

– Но ведь приползла же, не принесли. Домой, даже к себе. И даже разделась перед тем как спать лечь. Не на таких уж бровях, – огрызаюсь в ответ. Совсем распустилась малявка.

– Ты и бельишко простирнула. Гремела в ванной тазами, перебудила весь дом, – не унимается она. – И чем только всю ночь занималась!

– Как обычно. Тебя позорила.

– Так, все, – сообщает Полинка и решительным шагом выходит из комнаты.

Вот заноза. Подумаешь, потусила вечером. Вечно она меня пилит, хуже мамы. Считает, что пить не умею. Наоборот – это одна из немногих вещей, которые мне прекрасно удаются. И вообще, я не виновата, что меня постоянно хотят угостить. А коктейли были вкусные.

Нарочно громко топая, возвращается Полинка. В руках ее бутылка минералки. Полная. Явно из холодильника. Ты ж моя зая!

Тянусь навстречу, но вместо того, чтобы передать мне, злая зая как следует встряхивает бутылку, направляет на меня и отвинчивает крышку. Окатывает пузырящейся водой – она и правда холодная.

– Дура!!! – визжу, вскакивая с дивана и отряхиваясь.

– Встала? – произносит сестра равнодушно. – Завтрак на плите. А мне на учебу пора.

Тоже мне, ученица примерная! Хотя на самом деле я ею горжусь. На бюджет поступила, первый курс вот-вот на от-

лично окончит. Ее учебу на платном мы с мамой с трудом потянули бы, я ведь пока зарабатываю копейки.

А сейчас Полинке можно не бегать по подработкам. Я ей не разрешаю, по себе помню, как это тяжело.

– Да ты мертвого подымешь, – отзываюсь я. Снимаю мокрую майку. Ой, чуть не забыла. – Никита Павлов в городе.

Она замирает в дверях. Оборачивается через плечо. В глазах вспыхивает радость и тут же сменяется подозрительностью.

– Ник? А откуда ты знаешь?

Рассказываю в двух словах. Мы встретились случайно. По работе. Он узнал, чем я занимаюсь, и решил выручить по старой дружбе.

– Только не говори, что опять, – вздыхает она.

Они что, со Светкой сговорились? Или у меня на лбу неоновыми буквами написано?

– С чего ты взяла? Он вообще-то женится.

– Тем более! – вскидывается Полинка. – Ты от него сама отказалась, променяла на какого-то... Говнюка.

– Повежливее, он тебе ничего не сделал, – перебиваю строго.

– Ок. Мистера Говнюка, так лучше? Его Говнейшество...

– Рот закрыла, на сто восемьдесят развернулась и вон пошла. Больше ничего тебе рассказывать не буду.

– Ну и не надо, я ему сама позвоню, – скорчив гримасу, бросает она и покидает поле зрения. Через секунду хлопает

входная дверь.

Вот коза, и в кого только такая противная уродилась? Мама у нас культурный человек, никогда такого поведения не одобряла. Если бы нас сейчас увидела...

Стоп. Что-что она сделает? Позвонит Павлову? Вот так, запросто? И откуда у этой козы вообще его номер! Неужели они все время оставались на связи за моей спиной...

Хотя чему я удивляюсь. Ник всегда был с моей семьей на связи. Они его обожали, и мама, и бабушка, и дед, пока был живой. Полинка так вообще готова была хвостиком за ним ходить – как же, он ведь старший. Пару раз вступился за нее перед шпаной малолетней, еще разок в машинки со скуки поиграл, потом научил подкидному дурачку – все, любовь навеки.

А мама... Она ни слова мне не сказала, узнав, что мы рассорились. Вообще о Нике с тех пор не вспоминала. Понимала, что мы не пара, видимо.

– Я сказала: оставьте меня в покое! – рявкнула я в ответ на стук в дверь.

Неужели это так сложно, просто не лезть. Если бы мне была нужна ее помощь или сочувствие, не запиралась бы в комнате на замок.

Тем более, маме я ничего рассказывать не собиралась. Ей не понять. Либо начнет втирать, как важен выпускной, либо полезет с нравоучениями...

– Зин, это я. Открой.

Ник? Он-то что здесь делает? Недавно ведь из своего Питера приехал, должен сейчас с друзьями тусить.

– Уйди, – крикнула, шмыгнув носом. – Я не в настроении.

– Вот только мне не вкручивай, окей? Мне твои девичьи страдашки как-то... – он подергал дверь. Хилая задвижка заходила ходуном, а ведь он ее даже выбить не пытался. – Давай я зайду, проверю, что ты не наглоталась таблеток и не вскрываешь там себе вены, и уйду. Можешь дальше плакать.

– Ты совсем что ли? – возмутилась я, так, что даже всхлипывать перестала. – За кого меня принимаешь?

– А чего тетя Таня меня вызвонила? Так, малявка, открывай. Я тут целый день сидеть не собираюсь.

– Я тебе не малявка! Мне восемнадцать исполнилось! Я взрослый человек и имею право на личное пространство. Вот.

В ответ – еще один неслабый удар и обещание выломать дверь. Ник сказал, что моя мама будет не против. Я его не видела, но как-то сразу почувствовала – не шутит.

Я впустила его и быстро захлопнула дверь, закрылась снова, чтобы мама следом не зашла. При виде меня брови Ника удивленно взметнулись вверх.

– Зин, ты как, в порядке вообще?

Видок у меня был такой себе, любого бы смутило. Помятое длинное розовое платье, все в пятнах от потекшего макияжа. Растрепанные как у ведьмы волосы – я с психа вы-

драла цветочки и шпильки из высокой прически. Размазанная по щекам тушь...

В тот момент мнение Ника меня не волновало. После вероломного удара, который мой теперь уже бывший парень нанес в самый важный день, казалось, что жизнь кончена. Меня предали, растоптали мои чувства, перед всеми опозорили...

Сама не знаю, как решилась о таком Нику рассказать. А он слушал, внимательно, не перебивая. Не насмеялся даже.

– Короче, он должен был идти со мной, а пошел с Карповой. Ладно хоть девчонки узнали и предупредили... – закончив, я вытерла со щеки вновь набежавшие слезы. – Я отсюда никуда не выйду. Только если для поступления надо будет. А потом к бабуле уеду.

– Витька что ли? Который со мной в параллельном классе учился? В Москву баллов недобрал год назад, вернулся со школьницами мутить, значит, – произнес Ник презрительно. – Нашла по ком реветь. Хочешь, я ему морду набью?

– Не смей! Опозоришь меня еще больше.

Отвернувшись, я выпутала из волос оставшиеся две шпильки с жемчужинками. Столько времени и денег на прическу ушло, и никому не нужно оказалось...

– Знаешь что, – сказал Ник, подумав некоторое время. – А давай вместо него я с тобой пойду.

Эта идея показалась настолько дикой, что я мигом перестала реветь.

– Я платье испачкала.

– Фигня. Надень что-нибудь покороче. И обтягивающее. Будешь звездой, отвечаю.

Сама не поняла, как только смелости хватило согласиться. Наверное потому, что когда рядом Ник – не страшно. К тому же Павлов был самым крутым парнем в старших классах и мечтой всех девчонок, пока в прошлом году школу не закончил.

Конечно, с ним я была звездой. Мы пришли, когда все было в разгаре – и сразу на танцпол. В центр всеобщего внимания. Если бы выбирали короля и королеву бала, как в американском кино, у нас не нашлось бы конкурентов.

До августа, когда случится наше лето, оставалось всего ничего.

3.2. Ник

Как все-таки тяжело вставать и заставлять себя тащиться на работу, когда рядом спит кто-то уютный. Кто-то милый, к кому стоит чуть прикоснуться, чтобы тут же обняла в ответ. Кого можно поцеловать в веснушчатый носик, и она улыбнется, не просыпаясь...

Вот же хрень. Я тоже хочу быть домохозяйкой!

Но кому-то приходится подниматься по звонку будильника и преодолевать себя. Ты обязан зарабатывать на достойную жизнь для себя и своей женщины, бро. Держать на плаву дело отца. Стать уважаемым человеком.

Ты давно взрослый и знаешь слово «надо». И неважно, босс ты или охранник с вахты. Если честно, вахтеру я иногда тайком завидую. Сиди себе, за мониторами следи да кроссворды разгадывай...

Внутренний философский монолог не мешает выполнять утренние ритуалы. Осторожно, чтобы не разбудить, целую Ксюшку в щеку. Беру смену белья и иду в ванную. Душ, бритье, электрическая зубная щетка, ирригатор. Ополаскиватель. Туалетная вода и дезодорант. Пенка для укладки волос.

Иногда мне кажется, что утром я провожу здесь не меньше времени, чем моя девушка. И это я еще бороду не ношу! Но я обожаю все эти гигиенические штучки, ничего с собой

поделать не могу.

Узнав об этом, Ксюша смеха ради однажды подарила мне на день рождения триммер для удаления поросли в носу и ушах. Я тогда сказал – вот стану старым, противным, злобным дедом, достану эту приبلуду и заставлю ее дергать из моих ушей седые волосы.

А сейчас вспоминаю и осознаю: уже не так уверен, что мы сможем прожить вместе до старости.

Бред. Всего лишь нервы перед свадьбой, наверняка многие в этот период начинают сомневаться. Серьезное решение все-таки, я планирую, что навсегда.

Прицепляю магнитом к холодильнику записочку для Ксюши – ничего важного, просто чтобы улыбнулась. Ей тоже не помешает немного отвлечься.

А потом целиком отдаюсь работе. Еще до того, как в офис приезжаю – в дороге я на связи.

Понедельник. Час на разгребание пятничных завалов – почта, папка с документами на подпись от секретарши, звонки исключительной срочности. Летучки, планерки, замы с важными вопросами.

И вперед, на еженедельное совещание. Отчеты и задания на неделю. Какое счастье, что моя опытная секретарша, которая здесь едва ли не с основания компании работает, знает свое дело и подготовит протокол.

Еще большее счастье, что дядя пока со мной. Он исполнял обязанности генерального, пока я доучивался, и все еще

помогает освоиться. Без него бизнес давно бы пошел ко дну.

— ...нивелиры пришли, с завтрашнего дня можно будет работать, — с довольным видом сообщает начальник геодезического отдела.

Я в курсе, конечно, сам на них накладные подписывал. Оборудование для геосъемки, новенькие «Лейки». Мне в двух словах пытались объяснить, для чего они нужны, но я понял лишь, что без них работу не выполнишь. Для того, чтобы оплатить счета, этого, я считаю, достаточно.

— Поздравляю, коллеги, мы прошли очередную аккредитацию...

Спасибо. Об этом тоже в курсе. Радует, что можно забыть о данном вопросе на три года.

— К сожалению, проиграли тендер на нефтепровод в Татарстане, — берет слово зам по развитию.

А вот это плохая новость. Вызывает бурное обсуждение у заинтересованных лиц — еще бы, кусок жирный. И должен был быть нашим, но кто-то перебил цену. Не в первый раз, просто до этого было по мелочи. Все больше убеждаюсь в догадке, что кто-то сливает информацию.

Я молчу. Смотрю на них. Мы ведь со всеми этими людьми каждый понедельник здесь встречаемся, должен же заметить хоть что-то. Интуитивно почувствовать.

Бесполезно. Все вроде как искренне возмущены, кроме дяди — он наблюдает за происходящим с любопытством, словно со стороны, и главного инженера — этот вообще че-

ловек без нервов. Ждет, пока все проорутся, чтобы говорить в тишине. Я сдаюсь.

«Среди нас крыса, – пишу дяде. – Кто-то, кто имеет доступ к коммерческим предложениям».

«Молодец. После поговорим», – приходит ответ.

Выйдя из переговорной, заглядываю к себе, только чтобы предупредить секретаршу, что меня ни для кого нет. Поговорить будет удобнее в дядином кабинете, там меня не сразу найдут.

– Значит, ты уже в курсе? – спрашиваю прямо с порога. – Почему мне не сказал?

– Не больше твоего на самом деле, просто чуть раньше понял. Я ожидал чего-то подобного... Да ты присаживайся, в ногах правды нет.

Дядя Игорь, как всегда, спокоен. Смотрит чуть насмешливо, словно ждет, как я буду выкручиваться. Его метод обучения: сперва дать возможность решить все самостоятельно, а когда накосячу – объяснить, как надо было правильно. Он и плавать меня примерно так же учил. Отгреб на лодке где поглубже и выкинул за борт.

Эх и влетело тогда нам обоим от матери! А отец только посмеивался. Сказал, что спокоен, есть на кого семью оставить. Вот и договорился...

– Ну, делись. Что намерен предпринять? – спрашивает дядя. Я лишь пожимаю плечами.

– Я надеялся, ты подскажешь, дело-то серьезное.

Жужжит смартфон – сообщение пришло. Краем глаза смотрю на экран. Зита. Хватаю трубку, прежде чем соображаю, что делаю. Извиняюсь перед дядей. Я не могу прямо сейчас не прочитать.

«Привет, предлагаю вместо мангала гриль стол. Это экономит место и выглядит очень эстетично. Могу прислать варианты, но лучше бы в живую посмотреть. Если есть время, можем встретиться».

«Конечно. Вряд ли я сумею выбрать без тебя», – отправляю ответ, и только потом вспоминаю, что не далее как вчера зарекся с ней встречаться.

– Никит, соберись, – резко одергивает дядя Игорь. – Потом будешь с девочками переписываться. Я не стану за тебя проблему решать, ты у нас теперь директор.

– В том-то и дело, что я так себе директор. При отце этого не было бы...

– Ерунды не говори, ты точно так же вправе уволить с волчьим билетом. Вот и думай, кто нас сливает, зачем и почему. Я тоже думаю, не сомневайся.

«Хорошо. Когда тебе будет удобно?»

– За деньги, зачем еще, – кое-как сдерживая невольную улыбку, предполагаю я. – Скорее всего, кто-то из простых исполнителей. Возможно, не из тех, кто лично документами занимается, просто каким-то образом сумел их увидеть.

«Сегодня, – набираю ответ Зите. – Где-то с часа до двух».

– Телефон дай сюда, – командует дядя. Забирает смарт-

фон у меня из рук и кладет подальше. Словно нарочно экран тут же светится. Уведомление о сообщении. – Возможно. Какие твои действия?

Уехать в обеденный перерыв чуть раньше, чтобы больше времени провести с Зитой. Стол для гриля – это ведь очень серьезно.

Но вслух я, конечно, другое говорю. Про проверку внутренней безопасности. Про то, что надо бы пообщаться с девочками из тендерного. Про личный контроль документов.

Он спрашивает, почему я не подозреваю кого-то из руководства. Отвечаю, что эти вряд ли стали бы так рисковать, ведь им есть что терять.

– Каждому есть что терять, люди на работу не ради развлечения ходят, – возражает он. – Кстати, о развлечениях. Уверен, что решишь вопрос до отъезда?

Заранее знаю, к чему он ведет. Сейчас опять скажет, что три недели – срок непозволительно долгий. Что я не настолько все наладил, чтобы позволить себе бросить дело и уехать задницу на пляже греть. Что я вообще поторопился с этой свадьбой.

Дядя Игорь последовательно высказывает мне все это. Как будто сейчас можно что-то изменить.

– Ты бы моей невесте объяснил, мне-то что рассказываешь, – говорю недовольно.

– Мне еще и с ней за тебя объясняться? Ну ты даешь! – усмехается он. А потом добавляет серьезно: – Это ведь важ-

но для тебя, она должна понять. А если не поймет – тем более повод не торопиться. Но вообще тебе жить, толку-то в моих советах. Все равно не слушаешь.

– Дядь, меньше недели осталось. Поздно уже что-то менять.

– Нет, Никитка. Никогда не поздно, пока живой.

Смотрит на меня с прищуром, и возникает чувство, будто я вдруг стеклянным стал. И он все видит, и мою неуверенность в том числе. Глупо, конечно – ничего он не видит. Но как-то все-таки не по себе.

3.3. Зина

Я почему ему вообще написала: типа проверки устроила. Загадала, если захочет встретиться – может что и получится. Не захочет – между нами реально все кончено, мне только показалось, что нет.

А он подорвался. Сегодня же. Бросил работу, подготовку к этой своей свадьбе, всю кучу своих важных дел – и едет на встречу со мной.

Всего лишь чтобы на гриль посмотреть? Серьезно? Не смешите мои тапочки!

Преодолеваю желание заскочить домой и надеть все лучшее сразу, спокойно доделываю срочные дела. Слишком торопиться нельзя, иначе приеду заранее и буду ждать его как дура.

Приезжаю вовремя, всего на пять минут позже назначенного времени. Для меня это почти что подвиг. Ник уже на месте, ждет за столиком в сетевой кофейне. Судя по опустевшей чашке, давно ждет.

Хмм, вот даже как...

– Привет, – лучезарно улыбаясь, бросаю сумку на столик и присаживаюсь рядом с Ником. – Извини, что тебя выдернула, но это надо видеть. Роскошная идея, не так давно в моду вошли. Вместо того, чтобы стоять в сторонке и жарить мясо, пока все веселятся, ты сидишь в компании друзей, и

каждый...

– Зин, извини, можно тебя кое о чем попросить? – перебивает он.

Перестать тараторить и заткнуться уже наконец?

– Разумеется! – отвечаю с той же улыбкой.

Мы ведь по работе встретились. Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

– Пообедай со мной, пожалуйста.

Это так неожиданно, что я роняю челюсть. Смотрю на него, глазами хлопаю. Видок, наверное, совершенно идиотический.

– Я... Че?

Ника едва заметно передергивает. Он всегда ненавидел это мое «че». Огрызался, мол, так только гопники говорят и умственно отсталые. А я нарочно повторяла, чтобы его бесить. Вот и сейчас автоматом всплыло, ведь я от этой привычки отучилась не помню уже когда...

Хотя чего вспоминать – когда с Ником рассобачились. Бесить стало некого.

– Просто на работе нервотрепка, мне надо срочно вырваться хоть на час. Отвлекся, – объясняет он. – Раз все равно время обеда, так почему бы не пообедать. Я угощаю. Если ты не сильно занята, конечно.

Ах вот оно в чем дело! Знакомая песня: «Зин, мне скучно». Ему отвлекся надо, но кроме меня под рукой никого не оказалось. Ну, ладно, что уж. Мне не привыкать.

– Я-то? Разумеется, занята, – сообщаю, выдерживая паузу, чтобы он успел нахмуриться. – У меня встреча с заказчиком. С тобой то есть.

Кривит губы в ухмылке. А у меня возникает почти непреодолимое желание поцеловать его. Прямо здесь, у всех на виду. Растрепать аккуратно уложенные волосы. Ослабить тугой узел галстука, испачкать помадой воротник рубашки.

Чего он весь такой прилизанный, как манекен. Смотреть тошно.

– Спасибо, – говорит Ник, поднимаясь с места. – Здесь рядом есть уютный ресторанчик, ты не против грузинской кухни?

– Я все ем, если оно из мяса. Особенно за чужой счет.

Ресторанчик в самом деле рядом, за пять минут дошли. И правда уютный – приглушенный свет, симпатичный интерьер. Пока готовят заказ, мы обсуждаем будущую мангальную зону. Вполне достаточно, чтобы отвлечься.

Тем более, говорить нам внезапно больше и не о чем. Не о прошлом же. Оно прошло, надо смотреть вперед и все такое...

Обсуждаем до тех пор, пока не приносят еду. Обсудили. Что теперь? Молча сидеть, друг на друга глядеть? Я так не умею. Даже за обедом. Когда я ем, я глух и нем со мной даже в детстве не работало.

– Значит, ты теперь собственную компанию возглавляешь? – спрашиваю, не придумав ничего лучше. Ник пожи-

мает плечами вместо ответа. – Круто. Мало кто может таким похвастаться в твоём возрасте.

– Гайдар в пятнадцать лет полком командовал.

– Кто это?

– «Тимур и его команда» написал. – Он смотрит на меня так, будто речь идет об очевидных вещах.

– Давно ли ты подсел на чтение? – парирую я. – Что-то я раньше тебя с книжкой ни разу не видела.

Только с девкой. С девками. Или с друзьями, такими же оторви и выбрось, в том возрасте, когда еще до девок не дорос.

– А мне надо было тебя всякий раз звать? Это дело можно сказать интимное, в нем наблюдатель не нужен.

– Девицы? – машинально вырывается у меня, прежде чем успеваю сообразить, что озвучиваю свои дурацкие мысли.

– Какие девицы? – удивляется он, и я чувствую, что надо бы срочно перевести разговор на другую тему.

– Да так, не обращай внимания. Это я о своем. Лучше расскажи, что тебя так парит, аж сбежать пришлось.

Он сперва что-то о коммерческой тайне втирать пытается. Но я чую – рассказать очень хочется. В конце концов сдается. Я ведь ему не конкурент, даже точно не представляю, чем его контора занимается. Вроде что-то связанное со строительством. Или с нефтянкой... Не суть, знаю только, что деньги он лопатой гребет.

Оказалось, что у них в фирме завелась крыса. Инфу сли-

вает конкурентам, и те уводят контракты. Ник как директор должен это как-то разгрести, а он, похоже, вообще не вкуривает, что делать.

– А ты его на живца поймай, – выдаю первое, что приходит в голову. – Когда замаячит лакомый кусок, который увести можно. Найди помощников, на сто процентов лояльных компании...

– Понять бы еще, кто из них лояльный, – вздыхает Ник. – А мне улетать в понедельник. На Гоа это, чтоб его....

– Пф! Богатые тоже плачут, блин! – фыркаю на это. – К женскому полу присмотришься. В смысле, к сотрудницам. Они наверняка для тебя что угодно сделают, за один лишь благосклонный взгляд – молодой красивый директор, прямо ходячий фетиш.

– С тобой вообще невозможно серьезно разговаривать! Хотя... В чем-то ты, может, и права.

– Что-что?

– Говорю, может ты и права. Частично.

– Еще раз: что я? – подаюсь вперед, чуть не вляпавшись в остатки соуса на тарелке. Ник хмурится и цедит сквозь зубы:

– Возможно, ты права. Но это очень-очень маленькая вероятность.

– Слушала бы и слушала! – жмурясь от удовольствия, откидываюсь на спинку стула. – Так мы грили пойдем выбирать? Или тебе просто поболтать захотелось, а больше было не с кем?

И покушать, ага.

Он смотрит на часы – Ник теперь носит часы, солидный, что ты! – и говорит: почему бы и нет. Если по-быстрому, времени у него осталось немного.

– Но, если честно – поболтать. И да – не с кем, – признается неохотно. Знал бы, как меня всегда вымораживало от этой его честности! – У меня из лояльных только дядя Игорь, но я по его мнению должен пахать двадцать четыре на семь, а не разговоры разговаривать. Так что прости, я...

– Чего ты за моду взял, через слово извиняться? – перебиваю я. Грубо получилось, но что-то накатило. – И вообще, прав твой дядя. Тебе отец все на блюдечке преподнес, хрен ли ты ноешь? Знаешь, что нам с Полинкой наш папаша оставил?

– И что же? – спрашивает, глядя со снисходительным прищуром.

Вроде как одолжение делает, что меня вообще слушает. Когда ты успел стать таким высокомерным? Когда костюмчик надел, наверное.

– Долги по алиментам! – рявкаю на повышенных тонах. Сама не понимаю, почему меня так зацепило. Заставляю себя сбавить обороты. – Ты за свое должен биться как лев, а не искать любую возможность, чтобы свалить.

– Я невесте свадебное путешествие обещал, – цедит он сквозь зубы. – А если такая умная – не хочешь вместо меня сесть в директорское кресло?

– У меня своя работа есть. Надо будет – сяду. Я-то привыкла за семью ответственность нести. А ты... Думала, изменился, но нет. Такой же раздолбай.

Реально дура. Зачем я с ним опять ссорюсь? Еще пара таких реплик – можно больше не искать встреч и на Ника не рассчитывать. Ну какое мне дело до его работы! Мне даже на его деньги плевать. Наверное, его невеста так себя не ведет.

Вот и шел бы к ней и ныл.

– Зита, стоп. Перестань, а то поссоримся, – предупреждает Ник.

Меня будто током ударило. Он ведь впервые меня так назвал. Забылся, наверное. И поныть тоже по старой памяти пришел...

– Мы разве мирились? – спрашиваю вполголоса.

– А надо?

– Гриль, – напоминаю я. Счет оплачен, пора бы и честь знать. Что-то засиделись.

Все идет совсем не так. Он больше не кажется равнодушным и отчужденным, но это не то. Я на другого рода интерес вообще-то надеялась.

И все-таки не могу не сказать, пусть как угодно реагирует.

– Я любила твоего отца, все его любили. Он был очень хорошим человеком.

Ник косится в мою сторону. Эмоций не прочесть, лицо как у игрока в покер. Просто кивает мне. Мы просто идем дальше и молчим.

3.4. Ник

Как же мне ее не хватало! Раньше не понимал, не думал о ней почти, а сейчас прямо накатило. Чтобы звать ее – и она приходила, и все становилось легко и весело. Чтобы отвешивала волшебного пинка, когда нужно, и выдавала все, что думает, в лицо, не приукрашивая и не боясь задеть.

У меня таких людей почти не осталось, с кем можно о чем угодно поговорить и услышать честное мнение. Когда-то были друзья, но сейчас отдалились. Слишком резко я их всех обошел, и эта разница очень ощутима.

А Зита... Это Зита, чтобы в ее глазах авторитет заслужить, просто занять директорское кресло мало. И дело совсем не в том, что она привлекательная...

Да кого я обманываю. На нее хочется смотреть, не отрываясь. Она и раньше была красоткой, а сейчас и вовсе невероятная. Сексуальная. Яркая. Все мужики ей вслед головы сворачивают.

Я пытаюсь найти в ее внешности хоть один изъян, но вижу лишь достоинства. Даже дерьмовый характер их не перевешивает. Внушаю себе, что у нее наверняка кто-то есть, такие девушки не бывают одинокими.

Знать бы точно, может, успокоился бы, но ведь напрямую не спросишь. А если ответит, что в свободном поиске? Легче что ли станет?

– Чего ты на меня так смотришь, посмотри лучше вот на этот вариант, – неожиданно говорит Зита. – Или у меня что-то не так? Петрушка к зубам прилипла?

– Это была кинза, ресторан же грузинский.

– Не душни, – отмахивается она.

Говорит, что если мне нравится этот цвет стола, под него подойдет светло-серая плитка большого размера. С оттенком зеленого, если не хочу, чтобы выглядело как цементный пол. Что пространство можно уравновесить костровой чашей – идеальный вариант для романтических вечеров.

Рядом с ней трудно отвлечься и смотреть на что-то еще, тем более представлять это мысленно. Я бы вообще полностью доверился ее выбору. Пока все, что она предлагает, меня более чем устраивает.

Но тогда не останется повода ее увидеть. А потом она снова исчезнет из моей жизни. Даже живя в одном городе, мы можем никогда больше не встретиться.

Да и в сегодняшней встрече совершенно не было необходимости. Ей достаточно было скинуть ссылку на сайт, захотел бы посмотреть – сам бы сюда заехал. Но она предложила увидеться.

А я ведь как-то совсем забыл – не я ее позвал, потому что с работы хотел вырваться. Она меня. Интересно, почему. Хотя о чем я, это же Зита, сама вряд ли знает. Ей если что-то в голову втемяшилось – тут же берет и делает, потом только думает. Скучно стало, наверное.

В таком случае она обратилась не по адресу. Мне самому с собой скучно, не просто так ведь почти всех друзей растерял: работа-работа-работа, после которой единственное желание – посидеть в тишине.

Это раньше мы с ней веселились. Да, нам всегда и всюду было весело...

Разумеется, Зита не смогла удержаться, чтобы не прошвырнуться по торговому центру. У нее в Питере были знакомые девчонки, чтобы составить компанию, но мне не хотелось ее отпускать ни на час. Две недели – это все-таки слишком мало. Вот и вызвался сопровождать, сам, она не просила.

Это оказалось не так страшно, как я ожидал. Даже весело. А когда она зашла в отдел белья, чтобы прикупить кружевной бюстгальтер – еще и интересно. Она много моделей перемерила, демонстрировала на себе. На мой взгляд, хороши были любые, стоило их надеть на Зиту.

После, не выдержав такого зрелища, я затащил ее в магазин, где иногда джинсы покупаю. Зита возмутилась:

– Ты что, здесь же ценник нереальный!

Для меня – привычный, с удовольствием бы и ей что-то там взял. Но она не приняла бы. Максимум, что позволяла – платить за нее в заведениях, или подарки по мелочи, ничего дорогого. Не хотела чувствовать себя обязанной.

А мне бы так хотелось ее радовать. Было обидно, что на вещи, которые я мог ей покупать, не особо замечая этих трат,

Зите приходилось копить, выкраивая каждую копейку.

– Мне тоже нужно кое-что, раз все равно зашли. Поможешь?

На самом деле я привел ее этот отдел потому, что в кабинках примерочных здесь не шторы, а дверцы. И они запираются на замок.

Я хватал на ходу какие-то вещи, не выбирая, просто для вида. Затащил Зиту в кабинку, запер дверь. Не давая произвести ни слова, прижал к стене и поцеловал. Она меня не сразу оттолкнула, сперва на поцелуй ответила.

– Ну что ты делаешь! Давай, меряй уже свои штаны, – отстранившись, сказала она. – И пойдем есть бургеры и пиво пить на фудкорт.

– Ты когда-нибудь занималась сексом в примерочной?

– Сдурел? Нас по-любому услышат. А если тут камеры? – вскинулась Зита. Потом взглянула исподлобья и спросила: – А ты?

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, – сказал я и поцеловал ее снова.

Тот раз так и остался единственным, ни с кем после нее и мысли не возникало повторить. На ней было тонкое платье в цветочек, застегнутое спереди на множество маленьких пуговиц. Его даже не пришлось снимать. Она искусала губу так, что та покраснела и припухла, стараясь не издать ни звука, но нас все, кто там был, слышали, конечно. А может, там правда были камеры.

Незаметно уйти и прикинуться, будто ничего не было, все равно не получилось. Снаружи скопилась настоящая очередь, аж три человека – откуда вдруг такой ажиотаж в не дешовом джинсовом магазине?

Окинув нас презрительным взглядом, толстая тетка ломанулась занимать освободившуюся кабинку. Там она увидит отпечатки ладоней на зеркале.

«Ладно если во что-нибудь не вляпается», – шепнула Зита, когда я озвучил ей эту мысль.

Я все-таки купил у них что-то, не помню, вроде какую-то майку. Помню только непроницаемое лицо девочки на кассе, взгляды и молчание, которыми нас проводили. А мы едва смогли сдержаться. Когда вышли, расхохотались в голос.

– Поверить не могу, что согласилась на это! – снова смеюсь, говорила Зина. Она сидела напротив с бокалом светлого. Глаза сияли весельем, из собранных в узел волос выбилась прядка, обрамляя лицо. Я тогда в который раз подумал, какая она все-таки красивая. – Ненормальный...

– Что-то не так? – говорит Зита. – Ты что-то забыл?

– Наоборот. Вспомнил, – бормочу задумчиво. Надо же.

Мы стоим напротив отдела с вывеской той самой марки одежды. Точнее, я стою и смотрю в пространство перед собой как кретин. Интересно, у них до сих пор запираются примерочные?

– А, – отзывается Зита.

Ловлю ее взгляд и читаю в нем: она прекрасно поняла, что именно я вспомнил. Но никак не комментирует, лишь слегка выгибает бровь.

Несколько бесконечно долгих секунд мы молчим. Нам обоим неловко.

– Что-то еще? – наконец произносит она. – Пройтись с тобой по магазинам? Помочь выбрать одежду? В контракт это не входит, но пусть будет бонус по старой дружбе.

Не кокетничает – в голосе лед. И что, скажи на милость, я должен на это ответить?

Почему мы делаем то, что когда-то оба ненавидели? Играем в дурацкую игру, состоящую из намеков, недомолвок и тайных смыслов. Я сделал первый ход, наняв ее. Она позвала меня сюда. Значит, теперь опять моя очередь.

– Что я по-твоему должен делать, Зин? – спрашиваю, глядя в ее прищуренные глаза. – Может, подскажешь?

– Снять штаны и бегать, – немедленно огрызается она. – Хотя... Нет, лучше не стоит. Если каждый раз при виде этой вывески ты будешь расстегивать ширинку, выработается условный рефлекс.

– Какая ты у меня умная! – восклицаю с притворным восхищением.

– Обращайся. Ты кажется куда-то спешил? Если что, на связи.

Она разворачивается и уходит. Просто уходит, не оглянувшись и ни слова больше не сказав. Удивительно: я на-

изусть помню карту родинок на ее теле, а о том, что человеческого сочувствия от нее не дождешься, как-то подзабыл.

Возвращаясь в офис, я все думаю: для чего это было? Чего мы оба ждали от этой встречи? И друг от друга – чего мы ждем? Вопросы, вопросы... А ведь я о нынешней Зите ничего не знаю. Нужно с кем-то поговорить, не с ней, это бесполезно. Разговоры у нас как-то не клеятся.

3.5. Зина

Я не поняла: Ник хочет, чтобы я стала его лучшим другом и собутыльником? Это он замахнулся, у меня таких желающих и без него хоть попой ешь.

Чтобы меня он проблемами грузил, а в койку потом к своей невесте шел? Спокойным, в хорошем настроении... Хмм... Не для того ли женатики заводят постоянных любовниц? Секс найти куда как проще, чем кого-то, кому можно на уши присесть.

Фу. Нет, Ник не такой. И я тоже, разве я такая?

После того как он на этой своей женится, он для меня потерян, вот что. Забыть и номер удалить из контактов, никаких «останемся друзьями» и прочей ерунды. Невозможно быть друзьями с тем, чьи губы до сих пор помнишь на вкус....

– Зинаида! Опять в облаках витаешь?

Зловещая тень ложится на мой стол. Поднимаю глаза – босс возвышается, заслоняя свет потолочной лампы, глядит неодобрительно.

– Ты в «Техноком» позвонила?

– Звонила, трубку не берут, – вру, не моргнув глазом.

– Звони еще раз, почему я должен за каждым твоим шагом следить? – Он пристально смотрит сверху вниз, и вдруг сменяет гнев на милость. – Ты какая-то потерянная стала. Нервничаешь из-за проекта? Не бойся, все когда-то начина-

ли. А у тебя хорошие задатки, если будешь стараться, все получится.

– Спасибо, Сергей Леонидович, – из всех сил изображая покорность, блею я. – Постараюсь взять себя в руки.

– Уж постарайся. От этого премия твоя зависит.

Он кивает с улыбкой, смотрит прямо-таки по-отечески, только по голове не потрепал. Уходит, довольный произведенным впечатлением.

А я честно звоню поставщику, как он просил. Там дел-то на пять минут, больше разговоров было. Общаюсь с вежливой девушкой менеджером, а сама погружаюсь в теплое болотце воспоминаний.

Говорят, все женщины умеют делать несколько дел одновременно. Среди мужчин таким якобы Юлий Цезарь прославился. Вот и я сейчас будто нахожусь сразу в двух местах. В настоящем и прошлом.

Если честно, перетрусила я тогда неслабо, хоть и старательно делала вид, что нет. Ладно бы один, один ничего бы не сделал, оскорбил бы только, может, угрожал бы. Но трое...

Куда мне против троих. Каждый из которых в одиночку со мной легко сладил бы, физической силой я никогда особо похвастаться не могла. Мое оружие – слово. Правда, пользоваться им тогда еще не научилась, выходило себе во вред. Гагарин, как говорится, долетался, а я...

Тем более они друг друга подначивали. Я же совсем не пы-

талась замять ситуацию и сбежать по-тихому. Никогда этого не умела. Наоборот.

К тому моменту, как появился Ник, насмешками дело больше не ограничивалось. Пару раз меня уже толкнули в плечо. Пока легонько, но это лишь начало. Самое поганое – они чересчур близко подошли. И дотронуться осмелились. А вокруг – никого.

Ник ситуацию сразу просек. Отпихнул одного в сторону и рявкнул, чтобы отстали.

Дразнить меня позволялось только ему самому.

Это был второй раз, когда он из-за меня подрался. В первый ему прилетало сильнее, сейчас даже синяков не получил. Хуже. Нас завуч поймала.

Досталось всем. Родителей вызвали в школу, участников драки без разбора отправили на принудительные работы. Мне было обидней всего, это ведь они на меня напали. Получилось, что я дважды потерпевшая.

– Держи!

Ник с грохотом поставил возле моих ног ведро. Полное, еле увернулась от плеснувшей воды. Серая тряпка колыхалась грязным айсбергом.

Бросив на вершину здоровенной стопки книг последнюю, с которой протерла пыль, я возмущенно посмотрела на Павлова.

– Я что ли?!

– А что, я что ли? – передразнил он, кривя смазливое лицо

в гримасе. – Я вообще-то из-за тебя здесь, малявка!

– Ты?! Я вообще-то не дралась, это вы там устроили!

Размахивая руками от возмущения, я задела стопку, и книги с грохотом разлетелись по полу. Обменявшись полными злобы взглядами, мы бросились их собирать. Увидит классуха, как мы с ее учебниками обращаемся – уборкой кабинета дело не ограничится. Она и так на меня давно уже зуб точит.

– Нефиг по подворотням шлаться, идиотка безмозглая, – огрызнулся Ник, больно задев меня плечом. – Знаешь, что бы они с тобой сделали?

– Да ничего! Не станут же они с девчонкой драться. И никакая это не подворотня, а территория школы, я не виновата, что они там курилку устроили.

Он посмотрел на меня как-то странно. А я невольно залюбовалась, как кусочек неба заглядывает в окно, чтобы отразиться в его глазах. В тот момент они казались ярко-голубыми.

– Вот сиськи у тебя выросли, Резинка, а мозги все еще как у детсадовца, – произнес он презрительно. – Да о чем я, ты ведь даже и не целовалась ни разу. В куклы до сих пор наверное играешь.

– Не смей меня так называть! – рявкнула в ответ. – Че это ни разу? Сто раз! Только тебя это не касается.

Надеясь, что не слишком ярко покраснелись щеки, я невольно прижала учебник к груди. Как этот придурок умуд-

рился заметить, что она выросла? Я ведь и лифчик спортивный носила, утягивающий, и одежду свободную...

– Хочешь, научу? Не стесняйся, кто тебе еще поможет, как не друг детства!

Про друга он что, не шутит? Я взглянула на него искоса, пытаюсь угадать, какую пакость затевает на этот раз. Вид серьезный. Только в голубых глазах черти пляшут.

– А ты никому не скажешь?

Я ведь действительно еще ни с кем не целовалась. И очень стыдилась, что не умею этого делать. До того дошло, что все-раз опасалась, будто так и не осмелюсь до конца жизни – ведь партнер сразу все поймет.

– Чтоб надо мной вся школа стебалась? – фыркнул Ник. – Нет, Резинка, это будет наш с тобой секрет. Сама не разболтай. Хотя тебе все равно никто не поверит.

Я не успела ничего ответить – он взял меня за подбородок и притянул к себе. И поцеловал. Не в шутку, по-взрослому.

Мы стояли на четвереньках среди разбросанных книг. Косые лучи солнца золотили волосы Ника, согревали мою голую коленку. Я совсем не стеснялась своей неопытности – это же Павлов, чего его стесняться. Тем более он знает же... Не зажималась, просто позволила ему делать это.

Сперва было просто любопытно. Потом...

Его мягкие губы касались моих осторожно, будто спрашивая разрешения. Но постепенно все смелее. Жарче. Заставляя ответить. Сама не понимая, как так вышло, вскоре я це-

ловала его сама, вовсю, забыв, что не умею. Вообще обо всем забыв, не замечая, что вокруг происходит...

– Эй, Никитос! – чей-то вопль в коридоре заставил нас резко отпрянуть друг от друга. – Ты там что ли?

Какое счастье, что мы додумались закрыть дверь! Ник поднялся и окинул меня насмешливым взглядом.

– Если что – обращай, – проговорил он. – Еще чему-нибудь научу.

– Пошел ты, – запоздало отозвалась я, с трудом отдышавшись. Но дверь уже захлопнулась за его спиной.

Телефон вибрирует, привлекая внимание. Сообщение. Не успев прочитать уведомление, я открываю мессенджер и с раздражением вижу, от кого оно. Андрейка. Парень, с которым мы типа встречаемся.

Ну, он так это называет. Я бы сказала – иногда проводим время. Без обязательств, разумеется.

«Привет, красоточка! Как настроение? Понедельник не тяжелый?»

Смайлики-скобки. Другие ему искать лень. Читаю – а в голове голос звучит, прямо как наяву интонацию слышу, с которой он это произносит.

Андрюша хороший, не просто так он почти год со мной продержался. С некоторыми из моих друзей познакомился и всем им понравился. Особенно девчонкам. Светка заявила, что если и этот не подойдет, то непонятно, кто мне, дура пе-

реборчивой, вообще нужен.

Но сейчас даже думать о нем не хочу, не то что встречаться.

Не подошел. Кто нужен – сама не знаю. Наверное, никто. В этом-то все и дело.

Слишком их много, а я терпеть не могу выбирать.

«Привет. Извини, но нам придется расстаться, – отвечаю, не задумываясь. – Я бы потом сказала, но до конца недели встретиться не получится».

Отвечает не сразу. Что-то пишет. Удаляет. Думает и пишет еще. Переспрашивает, не шучу ли.

Укоряет, что нельзя вот так, сообщением, как-то это не по-человечески совсем. Я так не считаю – обычно в подобных случаях я просто не беру трубку, а ему сказала все как есть. К тому же мне действительно некогда, зачем же морочить ему голову и время тянуть.

«Можно подумать, если я тебе сообщу то же самое при личной встрече, что-то изменится».

«Да. Для меня это важно. Если надо, я подожду», – настаивает Андрейка.

Соглашаюсь, куда от него денешься. И так обиделся, что хочу с ним порвать, не надо усугублять. Тем более, за неделю всякое может случиться. Вдруг поймет и передумает.

Вторник. 4.1. Ник

Вторник. Уже два часа как. В соседней комнате давно сладко спит Ксюшка, не подозревая, чем я занят среди ночи. Впрочем, узнай она, что во время нашей близости я закрыл глаза и увидел другую...

Но она не узнает, не догадывается даже. Все эти байки, что влюбленные якобы чувствуют друг друга и понимают без слов – абсолютная чушь. У всех есть скелеты в шкафу, я своих и дальше планирую хранить в секрете.

Усмехаюсь про себя: у моего секрета слишком аппетитные формы, чтобы называться скелетом. Слишком много жизни, энергия бьет через край. Даже на фотках.

Глубокой ночью накануне важных дел по работе я шпионо-ю за Зитой, ища ее в соцсетях.

Это нетрудно, она и не скрывается. Она не из тех, кто выкладывает на всеобщее обозрение любое хоть сколько-нибудь значительное событие в своей жизни, но страницы все-таки ведет. И на них довольно активна.

Там она почти прежняя. Толпа друзей и подружек, фото и видео со всевозможных тусовок – в чужих записях Зита мелькает гораздо чаще, чем выкладывает свои. Ей вообще можно не заботиться о наполнении своих страничек контентом, за нее это приятели сделают.

Часто ее можно увидеть в обнимку с каким-нибудь пар-

нем. Но сразу заметно – это не то, ничего серьезного, или и вовсе ничего, просто дурачиться. Я хорошо знаю Зиту, если она влюблена, по глазам различу. На фотографиях за последние два года я ничего похожего в ее взгляде не вижу.

Или просто не хочу замечать?

Есть ли мне до этого дело – по-хорошему, я вообще не вправе ее личной жизнью интересоваться. Но все-таки должен убедиться, что она у Зиты есть. И что мне в ней не место. Ну и вообще, что у нее все в порядке. Успокоиться, забыть и дальше пойти.

Тем более что ей наверняка до меня дела нет. Я выдаю желаемое за действительное, а Зита испытывает ко мне лишь смесь стыда с ностальгией. Все-таки она меня круто обломала, знала ведь, в какой оказался ситуации. Раз отвернулась тогда, пошлет и теперь...

На видео хохочущая Зита болтает о какой-то ерунде, кривляется перед камерой, изображая репортаж. Гладкие смуглые ноги – ракурс взят чуть снизу. Микроскопические шортики открывают взору аппетитные округлости ягодиц. Ее кожа идеальна. Наощупь как шелк.

Для чего я до сих пор это помню!

Ее окружают какие-то люди, ни с одним из которых я не знаком. Дата съемки – неделю назад. Прямо перед нашей встречей она с кем-то тусила. В этом ничего не изменилось, Зита с легкостью находит друзей всюду, где бы ни оказалась.

Когда мы доросли до разрешения вольно реять по всему поселку, а не только возле дома в пределах видимости, я и Зина завели друзей. Не мы с Зиной, ведь у меня была своя компания, у нее – другая.

Я нашел себе летних приятелей среди детей таких же дачников как мы, тех, чьи родители побогаче. Чистенькие и воспитанные мальчики и девочки в потрепанных, но дорогих шмотках. С которыми мы обсуждали, где море лучше, в Италии или Испании.

Ее приняла в свой круг отвязная шпана из соседней деревни. Вечно грязные, ободранные, научившиеся материться раньше, чем нормально говорить. Местные, гроза всех, кого они считали чужаками.

С нами же, городскими, но все-таки в каком-то смысле своими, держали вежливый нейтралитет. Кроме Зиты – она очень быстро в их компанию вписалась, хоть и младше была. Стоило только взять из сарая старый велик, на котором она едва доставала ногами до педалей, и отправиться гонять по округе.

А меня это ее знакомство жуть как бесило. Сперва завидовал – меня-то деревенские в упор не замечали. Или, косясь в мою сторону, презрительно сплевывали под ноги, обзывали мажорчиком и уходили по своим загадочным делам.

Потом – начал ревновать. Впервые в жизни это чувство оказалось таким острым. Зинка-резинка, от которой в школе еле отвязался, которую приходилось терпеть по наказу ба-

бушки и отца, теперь целыми днями пропадала где-то. Ей стало совсем не до меня.

– Как ты с ними дружишь, по ним тюрьма для несовершеннолетних плачет, – еле скрывая обиду, спрашивал я.

– Нормальные ребята, – отмахивалась Зина и убегала за околицу.

Я копил злобу. Пока однажды не решился вмешаться, чтобы напомнить дурной девчонке, кто тут главный.

– А твоя мама знает, с кем и до сколько ты гуляешь? – не найдя других аргументов, спросил я, когда просто так уйти со мной она отказалась.

– А ты пойдешь ей докладывать?

– Че до нее докопался, мажорчик? Иди куда шел. Или проводить для ускорения, ема?

Ярко-карие глаза Зины сузились в презрительные щелки. По обеим сторонам рядом с ней возникли двое деревенских, третий чуть поодаль встал. Загорелые дочерна, а волосы наоборот – выцветшие как солома. Голые по пояс, так, что видно было, какие они жилистые.

Меня это не пугало. Я кроме плаванья в то время всюю занимался еще и боксом. Почему-то был уверен, что любого из них запросто уложу. Вот только спортивный поединок и настоящая уличная драка – совсем разные вещи. Я это понял спустя три минуты и еще пару дерзких фраз.

Потом уже осознал – повезло, что они на реку собирались, обувь никто не надел тяжелую, иначе разбитой губой, уши-

бами и ссадинами не отделался бы. А еще – что рядом была Зина.

Ей даже разъяренных малолетних гопников удалось успокоить, правда, не сразу. Бока мне намять успели. Зато своего добился – домой мы возвращались вместе.

Так я подрался за нее в первый раз.

– Придурок ты, Павлов, – сердито тараторила она. – Лучше бы тебе теперь носа за калитку не высовывать. Недели две, а то и до конца лета. Им ведь тоже скучно, а развлечений тут не богато. Драка или дискотека по субботам, и все.

– Значит, вот как ты развлекаться любишь. С селюками по дискотекам шлаться. Тоже мне, отличница, девочка-ромашка. – Я сплюнул кровь и продолжил, игнорируя ее обиженный взгляд. – Курить и водку пить научили уже? Или еще чему плохому?

– Не обзывайся! Меня на дискотеку и не пустят, там для старших, мы рядом тусим. И водку никто не пьет, выдумал тоже, а курить и пробовать не хочу, противно. А ты – свинья неблагодарная, больше никогда тебя выручать не буду.

И все-таки привела к себе, пока бабушка была на огороде, замыла пятна на одежде и обработала раны. Глядя на ее лицо, сосредоточенное и близкое, чувствуя бережные прикосновения маленьких ловких пальцев, я впервые захотел поцеловать ее. Вообще поцеловать девчонку, до сих пор я ни разу еще такого сильного желания это сделать не испытывал.

Но не решился, струсил, конечно. Это ведь не какая-то

там драка. К тому же из разбитой губы при каждом движении текла кровь...

– Милый? – сонный голос внезапно звучит прямо над ухом. Дергаюсь и немедленно сворачиваю окошко браузера. – Почему до сих пор не спишь? И что там от меня прячешь? Что за привычка подкрадываться!

– Ничего! Ты-то что вскочила?

Вышло чересчур резко – она не нарочно, и не подкрадывалась, просто ходит тихо как кошка. Смягчаю голос и ловлю теплую ладонь, которую она отдергивает от моего плеча.

– Прости, солнышко, ты меня немного напугала, – приговариваю, поглаживая тонкие пальчики. – Что-то не могу заснуть, решил посмотреть на старых друзей. Никак не найду время с ними встретиться.

Разворачиваю окошко, и Ксюша смотрит туда вскользь. Ничего подозрительного она не видит: просто фотографии незнакомых ей людей. Веселая дружная компания отдыхает на природе.

Я не выискивал фотки Зиты в купальнике. Всего лишь хотел взглянуть, чем она живет. Убедиться, что все с ней нормально, что помощь не нужна.

Глупо врать, ее саму я тоже с удовольствием рассматривал, но уверен, что смогу избавиться от мыслей о ней в любой момент. До этого ведь как-то получилось.

– Ты слишком много работаешь, милый, нельзя так себя

загонять, – ласково воркует Ксюша и гладит мои плечи. – Надо как-то отвлечься, развеяться, всех дел все равно не переделать... Пойдем, сделаю тебе массаж, это поможет чуть-чуть расслабиться.

Она славная девчонка, правда. Всегда выслушает, скажет что-нибудь ласковое. Постарается расслабить и поддержать как умеет. Наверное, так и должна себя вести образцовая жена вечно занятого бизнесмена.

От нее никогда не услышишь фраз вроде «хрен ли ты носишь».

4.2. Зина

Вторник. Уже вторник. Времени до выходных остается все меньше, скоро Ник опять уедет.

А мне ему работу сдавать. Не окончательный вариант, но основные решения утвердить должен. Надо собраться, за-сесть за нее и сделать, расслабляться потом буду.

И думать о деле, а не о фигне всякой. Не знаю, что там у Павлова в голове, но с меня хватит.

На кухне раздается писк микроволновки – Полинка делает нам завтрак. И чай уже заварен. Когда я захожу, она как раз ставит на стол тарелку с горячими бутербродами.

– Спасибо, заботушка ты моя, – хватаю один, обжигаюсь и дую на пальцы. – Я тут аванс получила, поехали вечером обувь тебе купим. Пока все не растранижила.

– Сегодня?

Киваю, жуя, и она отводит глаза. Мямлит, что у нее на вечер какие-то планы и сегодня ну никак не получится.

Не нравится мне все это. Сестренка вообще врать не умеет, но у нас и секретов друг от друга обычно нет.

– А ну-ка садись, – командую, пытаюсь поймать ее взгляд.
– Выкладывай, что там у тебя за планы.

– Это личное, – поджимает она губы.

– О личном ты бежишь мне рассказывать быстрее, чем оно происходит. Что еще за тайны мадридского двора? Я

ведь не отстану.

Полинка куксится, огрызается, пытается сбежать – типа, ей в институт пора. Бесполезно. Я живьем не слезу, и она это знает. И наконец сдается.

– У меня встреча кое с кем.

– С кем? С парнем что ли? Чего тогда скрытничаешь – с ним что-то не так? Если мне сказать боишься... Ему точно можно доверять?

– Ему – можно! – отвечает она с уверенностью и вскакивает, оставив на тарелке недоеденный бутерброд. Целует меня в щеку. – Ну что ты как белка-паникерша, все нормально. В девять дома буду. Пока, мне бежать пора.

И убегает. Не хочет обсуждать подробности, коза. Ничего, вечером все выпытаю, да она сама не выдержит, разболтает. Несмотря на разницу в возрасте, я все еще ее лучший друг.

Вот только никак не привыкну, что она совсем взрослой стала. Ростом уже выше меня вымахала, прошли времена, когда выпрашивала мои одежки. Студентка. Красивая девчонка получилась, белокожая, русая и голубоглазая – мы с ней совсем не похожи. Я в маму пошла, а она – в отца, которого совсем не помнит.

Поэтому когда меня начали звать Зитой, прозвище Гита к ней так и не прилипло. Непохожи мы на разлученных в детстве близнецов, нас и за сестер-то редко кто принимает. К тому же ее это жутко бесило.

Полинка не хотела, чтобы ее считали всего лишь моей ма-

ленькой сестренкой. Вечно рвалась доказать, что она личность, что сама по себе. Наверное, потому и повзрослела быстрее. Во всем стремилась меня превзойти, даже в росте.

И школу закончила с медалью – ведь учителя поначалу постоянно ей старшую сестру в пример ставили. До тех пор, пока я не обнаружила, что гулять с друзьями гораздо веселее, чем получать пятерки, и отличницей быть не перестала.

А вот Полинка оказалась старательной. Мы с мамой абсолютно уверены в том, что она многого в жизни добьется.

Но пока моя очередь для нас деньги зарабатывать. Бросаю посуду в раковину и отправляюсь в офис.

И немедленно застреваю в какой-то совершенно бесконечной пробке. Впереди авария. Ничего уже не поделать, только ждать, проклиная себя за то, что не проверила карту и не поехала другой дорогой.

А еще думать о Нике. Раз совсем не думать не получается, надо бы вспомнить все, без ностальгического умиления. Не только те дни, когда нам было хорошо вместе.

Если разобраться, рядом с ним все время крутились девичьи. И «вместе» – это про нас громко сказано. Мы ведь даже не встречались, и он ни разу не назвал меня своей девушкой.

Только просто «своей». Но... в такие моменты всех так называют, наверное. Не считается.

Кем мы были друг другу? Другими, которые иногда занимаются сексом по настроению? Пожалуй. Это я себе напридумывала лишнего. Теперь вот ерундой страдаю, мечтая

вернуть то, чего и не было никогда.

Я так ждала этого лета. Буквально дни считала. Не заметила даже, как закрыла сессию – пытаюсь отвлечься и подгоняя время, зубрила все подряд. В итоге сдала на отлично, с одной четверкой.

В своих мечтах представляла, что Ник вернется, и все у нас будет как год назад. Только дольше, ведь он наверняка приедет как можно скорее...

Пока не наткнулась в интернете на его фотку в обнимку с какой-то блондинкой.

Ее звали Вика. На ее страничке я обнаружила еще много такого. А чтобы окончательно развеять сомнения – сиропные подписи про половинки, родственные души, настоящие чувства и прочую хрень.

Ждать мне стало больше нечего. Лето разом потеряло краски – скорее бы оно закончилось.

Нiku я ничего не сказала, конечно. Что тут скажешь. Для меня все было предельно ясно. Но не для него: написал, как ни в чем не бывало, обрадовал, что приедет через неделю.

Собрав всю силу воли, я сдержалась и не ответила. Ни на это сообщение, ни на следующие. Правда, когда начал названивать, трубку все-таки взяла.

– Эй, живая что ли? Почему не отвечаешь? – его голос будто бил ножом в сердце. – Я уже Полинке писал...

– Не смей ее впутывать! – рявкнула я в ответ. – Оставь

мою семью в покое, понял?

– Зит, ты чего? Что случилось?

– Настоящий мужчина, как волк, либо один, либо с одной волчицей навсегда, – зачитала вслух последний пост его Вики. Под надписью красовалась их совместная фотография на фоне заката. – Вот и вали к своей волчице, а про меня забудь, понял?!

– Стой, не бросай трубку. Хоть объясни нормально, это ты о чем?

– О твоей девке!

– Которой из? – переспросил он равнодушно.

А потом напомним, как о чем-то само собой разумеющемся, что мы договаривались – между нами ничего серьезного. Что я сама это предложила. Что отказалась к нему переехать. Что я – не его девушка, и это наше общее решение.

– Угу. Вика твоя девушка. Она про меня в курсе? Ведь у вас-то все серьезно. Ревновать не начнет?

Мне хотелось его задеть. Сделать так же больно, как было в тот момент мне самой. Ведь я совсем другое ожидала услышать. Что все не так, что я ему нужна. Что он тоже считает дни до нашей встречи.

Неужели правда не понял: я просто не смогла бросить все и уехать с ним в чужой город, это не прихоть и не каприз. У меня ведь тут семья, учеба, а там ничего и никого, и ни копейки в кармане. Хотя откуда ему знать, каково это, когда ни копейки...

– Какая еще Вика? А, эта... Брось. Мы всего-то пару раз хорошо провели время, – произнес Ник таким тоном, словно говорил о пустяках. – Ты что, ревнуешь?! Да ладно! Зита?

Я не сразу смогла ответить – перехватило дыхание. А когда обрела дар речи, сказала, что он слишком много о себе возомнил. Что никакая это не ревность, просто противно, и быть одной из его подстилок я не желаю. Чтобы не смел звонить мне больше, а когда приедет – меня здесь не будет.

Обещание я исполнила, напросилась с подружкой в гости к ее родне, та давно приглашала. Вот только Ник все равно дождался.

Из-за той ссоры мы потеряли почти три недели...

Какой же я была идиоткой! Это ведь со мной он время проводил, а с ними – встречался.

А что, удобненько. Можно перепихнуться с влюбленной дурочкой, пока вынужден скучать в гостях у родителей. Или когда с одной девушкой уже расстался, а другую еще не нашел...

– Нет. Все было не так. Себе-то не ври, – говорю своему отражению в зеркале.

Между нами все было по-другому. Особенная близость, такая сильная, но такая в итоге хрупкая. Не уберегли ее, разрушили, а осколками друг друга изранили.

Жаль, конечно, но теперь не исправишь. Остается только забыть. Может, что-то у нас получилось бы, может и нет –

неважно. Сейчас-то все хорошо. Нормально.

4.3. Ник

– Никита Михайлович, к вам гостя. По личному вопросу, – сообщает секретарша загадочным голосом. Я не вижу ее лица, но даже по телефону слышно, что она улыбается.

– Пригласите.

Первая мысль – Зита пришла. Не стала дожидаться, пока найду повод встретиться, звонить, писать, договариваться... Просто захотела – и пришла, как наверняка бы раньше сделала. В те времена, когда нам не нужны были никакие поводы и не существовало условностей.

– Привет, милый!

В кабинет wpłyвает Ксюша, сияющая, словно ангел. Распущенные светлые волосы, легкая туника, белые брючки. Лучезарная улыбка. В руках у нее нечто, завернутое в фольгу.

– Привет, солнышко, – произношу растерянно, надеясь, что не выдал разочарования. – Что-то случилось?

Она никогда не приходила к нам в офис, да и зачем, для нее тут нет ничего интересного. И сейчас осматривается с любопытством, совершенно не чувствуя неловкости. Очевидно считая: если большая часть компании принадлежит мне, то она имеет такое же право здесь находиться, как и у меня дома.

У нас дома, поправляю сам себя. Это наша с ней квартира,

неважно, на кого она оформлена по документам. Скоро у нас с Ксюшей вообще все будет общее.

– Решила устроить маленький сюрприз, надеюсь, приятный, – возвещает она. В свертке оказывается пирог. – Вот, шарлотку испекла. Ты ведь любишь яблоки?

В августе я всегда приношу домой яблоки, просто чтобы они были. Привычка с детства, в бабушкином саду тех яблонь росло сто сортов. Казалось, ими все вокруг пахло. Только я их не люблю. Даже в самых сладких привкус горечи мерещится.

Глядя, как Ксюша аккуратно, не рассыпая ни крошечки, режет свой пирог, я вдруг отчетливо понимаю, что ее не люблю тоже. Я люблю другую, всегда любил – либо Зиту, либо вообще никого...

Молодец, что тут скажешь. Главное, вовремя.

– Сейчас ведь не сезон, – бормочу задумчиво. – Шарлотку в конце лета делают.

– Дорогой, двадцать первый век на дворе, фрукты продаются круглый год, – улыбается она, но ловит мой взгляд, и улыбка гаснет. – Я думала, обрадуешься...

Поднимает на меня глаза – выражение печальное, чуть обиженное. Будто спрашивает: ну что со мной не так? Как тебе угодить?

– Очень обрадовался, – заверяю поспешно. – Просто это так непривычно, когда ты здесь. Почему не позвонила? Я ведь мог уехать.

– Тогда это был бы не сюрприз, – смеется Ксюша. Вроде ничего не заподозрила.

Мысленно выдыхаю – не хочу ее обижать. Она-то меня любит, совершенно искренне, иначе не стала бы столько времени со мной возиться, выслушивать нытье и терпеть закидоны, пока в себя не пришел. И не уехала бы сюда из своего родного Питера.

Между нами кое-то гораздо большее – близость. Ведь у меня кроме нее, в сущности, и нет никого. Она всегда рядом, понимает с полуслова, всю свою жизнь под меня перестроила. Разве не это главное?

Нужно быть конченным идиотом, чтобы в последний момент все потерять. И ради кого? Взбалмошной девчонки, которая ясно дала понять, что ей на меня плевать?

Кстати, почему она не пишет? Полдня ведь уже прошло...

Ксюша заканчивает возиться с шарлоткой и спрашивает, где у меня тут тарелки. Спыхватываюсь и прошу секретаршу принести нам чай. Расставляя все на столе, та поглядывает на Ксюшу с умилением. Всем нравится моя невеста. Мы красивая пара.

– Я зря это придумала, да? – спрашивает она, едва отщипнув от своего кусочка. Она вообще старается сладостями не увлекаться, за фигурой следит. – Если мешаю, так и скажи, я не обижусь.

– Глупости. Разве ты мне когда-нибудь мешала?

Она опускает ресницы, будто раздумывая, затевать ли

неприятный разговор. Обычно Ксюша старается избегать тем, которые могут кого-то из нас расстроить, предпочитает молчать и делать вид, что все в порядке. Но сейчас вздыхает и все-таки решается.

– Наверное, это действительно глупо, но мне кажется, мы друг от друга отдалились в последнее время.

– Милая, я просто много работаю, – отвечаю, с трудом сдерживая раздражение.

Ее фразы кажутся неестественными, будто реплики из диалога в дешевой мелодраме.

– Я не об этом. Ты ведь постоянно был в отъезде, пока мы сюда совсем не перебрались, но даже тогда я ничего подобного не чувствовала, – продолжает она. – Даже на расстоянии. А в последние дни ты вроде рядом, но как будто не со мной.

– И что ты предлагаешь? Бросить все и уехать?

Больше всего злит, что она права. Я действительно отрываюсь от реальности, живу воспоминаниями. С досадой понимая, что тогда было хорошо, а сейчас...

– Нет, что ты! Зря я вообще эту тему подняла. Ты прав, конечно. Прости.

Снова смотрит виновато, а меня раздражает и этот взгляд, и эта привычка во всем соглашаться, лишь бы избежать конфликта. Хоть бы раз высказала претензии напрямую, пусть даже поскандалила, потом помирились бы. А так я чувствую себя распоследней свиньей.

Впрочем, что уж, это так и есть. Я неблагодарная свинья, а она ради меня старается.

Ситуацию спасает дядя Игорь. Заходит в мой кабинет, сдержанно здоровается с Ксюшей и напоминает, что у нас запланирован важный разговор.

– Татьяна уже ждет, остальных вызовем после, – говорит он и смотрит на часы над моей головой. – У меня через полтора часа встреча, так что...

– Понял. Через пять минут подойду, – отвечаю я. Он кивает и закрывает за собой дверь. А я говорю уже Ксюше: – Извини. Срочное дело. Но, если хочешь, можешь пока побыть тут, вряд ли это надолго.

– Не буду тебя отвлекать. Тем более, раз Татьяна ждет... Она симпатичная?

– Она специалист тендерного отдела. – И похожа на моржа без бивней, но вслух о таком не говорят. – А ты что, ревнуешь?

– А что, должна?

Улыбается безмятежно – она умеет держать лицо и никогда не опустится до открытых проявлений ревности. Она ведь не знает, что и вправду есть повод, только его не среди офисных девиц надо искать. Возможно, подозревает, но ни за что не скажет вслух, пока можно делать видимость, будто ничего не происходит.

Впервые жалею, что она такая сдержанная. Ведь я заслужил упреки, подозрения, обвинения, скандалы – что угод-

но...

С момента нашей встречи я к Зите ни разу не прикоснулся, но в мыслях она постоянно рядом, живет внутри независимо от моей воли. Словно вирус, который не проявлял себя долгое время, а теперь вдруг ожил, и я снова болен.

– Мне никто кроме тебя не нужен, – убеждаю не Ксюшу, себя. – Ты же знаешь.

– Знаю. – Целует на прощание, берет сумочку и кладет в нее телефон. Заставляя со стыдом вспомнить, что сегодня я даже не пожелал ей хорошего дня, как обычно. – Люблю тебя. Увидимся вечером.

- Не забудь, я сегодня задержусь. Буду в девять.

Выжидаю, пока не стихнут голоса в приемной – она о чем-то щебечет с секретаршей, прежде чем уйти. Выходя из кабинета, прошу убрать пирог с моего рабочего стола.

– Вам упаковать его, чтобы домой забрали? – спрашивает секретарша.

– Нет, не надо. Лучше возьми себе, с девочками чай в обед попьете. Он довольно вкусный.

– Ксюшенька его для вас пекла, – произносит она и смотрит с укором поверх толстых очков. – Я бы обиделась.

– Вы – нет. Вы же мудрая женщина, – отвечаю с улыбкой, и секретарша улыбается в ответ.

К счастью, у нас чересчур большая разница в возрасте, чтобы кокетничать. Но все равно я ей нравлюсь по-своему. Жалеем, заботится как может. Это приятно, конечно, но при-

стальный интерес к личной жизни подбешивает.

А ведь они теперь будут мою невесту обсуждать, всем женским коллективом. Права была Зита, я для офисных сотрудниц лакомая цель. Молодой холостяк при деньгах.

Вот и похожая на моржа Татьяна стреляет глазками. Когда я здороваюсь и обращаюсь к ней по имени, на круглых щеках вспыхивает румянец. Правда, немедленно сменяется бледностью, когда к теме перехожу.

Кто мог иметь доступ к ее документам? Обнаружена утечка информации. Разумеется, мы ни в коем случае не подозреваем ее лично, но ситуация крайне неприятная.

Она пугается, лепечет, что ни за что и никогда. Что прекрасно знает, как это важно. Что ей очень нужна эта работа...

Включаю жесткого начальника и начинаю допрос. Чувствую себя в этой роли на редкость отвратно – не тем я мечтал заниматься, совсем не тем. Но рядом сидит дядя, при нем нельзя дать слабинку и облажаться.

Почти целый час мы мучаем девчонок, а когда заканчиваем, я будто выжатый лимон. А главное, все без толка – мы так ничего конкретного и не выяснили.

4.4. Зина

Идти домой сразу после работы не хочется. Погода такая хорошая – неделя балует теплом, прямо лето настоящее. Еще и Полинки до вечера не будет, а у меня совсем не то настроение, чтобы одной сидеть.

Ничего, дело поправимое. Надо только кинуть клич – и компания найдется.

Оказывается, я рановато освободилась. Прямо сейчас выпить получилось только Маринку. Собственно, за это ее и ценю – безотказный вариант. Она конечно немного странная, еще эта ее неразборчивость в связях, про которую уже легенды ходят.

Ну да ладно, все лучше, чем ничего. А там и другие подтянутся.

Мы садимся в летней кафешке в парке. Люблю здесь бывать – уютно, всегда прохладно. Природа опять же, рядом пруд с утками. А главное, они делают вкусняющие молочные коктейли.

Беру банановый с карамелью. Маринка предпочитает пиво. Как всегда, не припомню, чтобы она повод выпить пропускала. Но меру все-таки знает, напивается нечасто, так что не вижу причины ее осуждать.

Потягивая свои напитки, грызем картошку фри и вяло перемываем кости общим знакомым.

– Как у тебя с Кириллом? Крепость пала или держится еще? – спрашиваю скорее из вежливости.

Не так давно она только и говорила о своей в него влюбленности, чуть ли не оды сочиняла. Я того Кирилла знаю через друзей друзей, ничего особенного. Довольно унылый товарищ на мой вкус. Такого и обсуждать неинтересно, но Маринке должно быть приятно.

– Да ну его, достало, – отмахивается она. – Встретила недавно с какой-то шваброй под ручку...

– Как будто тебя это когда-то останавливало!

– У него плохой вкус. И вообще, поговорили часок на той неделе, думала, со скуки подохну. Не для этого душили моя роза расцвела.

«Кому только ту розу не дарили», – комментирую мысленно. Вслух такое никогда не скажу, даже за спиной. Не мне кого-то судить. Кто еще вчера строил планы, как бы переспать с без пяти минут женатым? То-то же.

– И что, есть кто-нибудь на примете?

– Не знаю. Нет, наверное. Фигня, мужиков вокруг как грязи, не проблема найти, – говорит Маринка. – А сама как? Все еще с Андреем?

Если бы у меня было все так легко и просто! Чуть что не так – и выкинула из головы. Подумаешь. Других полно.

Хотя о чем я, так и было, пусть и не в Маринкиных масштабах, конечно. Только теперь понимаю, почему никому не удавалось надолго в сердце задержаться. Занято там. Все это

время, сколько бы ни пыталась убедить себя в обратном.

Нику я давно уже не нужна, а я его все никак из мыслей не вытраплю. В подсознании засел.

– С Андреем все, – отвечаю я. Про Ника рассказывать не стану, слишком личное.

– В смысле? – переспрашивает она, едва не захлебнувшись от удивления. – Он что, бросил тебя?!

Здрасьте, приехали! Вот уж не думала, что это первое, о чем можно подумать.

Правда, Андрейка ей всегда нравился, мы как с ним начали встречаться – месяц со мной не общалась. С чего-то решила, что я его у нее увела, хотя он с самого начала ко мне подкатывал. Потом вроде как отпустило, но, видимо, в разряд душнил с плохим вкусом он для нее так и не перешел.

– Не совсем...

– Только не говори, что ты его, – уточняет Маринка, явно в такой поворот событий не веря. Киваю в ответ. – Зин, ты дура? Потрясный парень же!

– Вот и забирай себе, – фыркаю я. И тут же понимаю: а ведь хорошая идея.

Про нее конечно всякое болтают, и не без оснований. Но в общем она неплохая девчонка, симпатичная, а главное, с ней весело. Если бы с Андрейкой сошлась – всем было бы хорошо.

– Не повод для шуток. Он ведь тебя любит, зачем ты так?

– А я и не шучу. Вы ведь оба сейчас одиноки, почему нет?

Он тебе нравится, сейчас как раз свободен. Вот и лови момент, пока не перехватили.

Она смотрит на меня как-то странно. Угрюмо, изучающе, будто впервые видит. Ей такое выражение лица совсем не идет, на себя не похожа.

– Эй, ты чего? – спрашиваю растерявшись. – Обиделась что ли?

– Как у тебя все просто – забирай. Как вещь прямо. Отдаешь свои обноски, чтобы не выбрасывать...

О как. Вот уж от нее совсем не ожидала такой реакции! Пытаюсь перевести все в шутку, типа, забыли. Но настроение испорчено. Разговор не клеится, и я начинаю жалеть, что вообще решила с ней встретиться.

К счастью, скоро подъезжают ребята. Маринка переключает на них внимание и вроде успокаивается. Но время от времени я ловлю на себе ее взгляд. Непонятный, будто прикидывает что-то.

– А я твою сеструху видел, – внезапно заявляет Макс. – Между прочим, с каким-то мужиком.

– Где? И как он выглядел?

Макс уточняет, что именно с мужиком, не с парнем – в костюме, нормально упакованный. Что они выходили возле кофейни в центре (помню такую, ценник там неменяемый) из его шикарной тачки.

Переспрашиваю цвет и марку... Да на такой ведь Павлов ездит! Вот значит в чем ее секрет – встречается с ним у меня

за спиной. Хватаюсь за телефон, чтобы немедленно ей все высказать, но передумываю и убираю его обратно в сумочку.

После, когда домой придет. Пусть в глаза мне смотрит. Выходит, позвонила ему все-таки, напросилась на встречу. Только Нику это зачем, заняться что ли больше нечем?

– Ладно тебе, она взрослая девчонка, – произносит Макс. – Я бы и сам с ней не против кофе попить.

– Я тебе попью! – рявкаю в ответ. Даже шутить про мою сестренку никому не позволю. – Затолкаю знаешь куда, вместе с чашкой!

Дальнейшие расспросы я пресекаю. Не хочу про Ника говорить. Только думать. Вспоминать...

Август был жарким и пах яблоками – в тот год выдался какой-то прямо небывалый урожай. Казалось, они повсюду – краснеют на деревьях, сушатся везде, где только можно разложить, булькают в тазу для варенья вязкой карамельной массой. Хрустят под ногами.

Мы с Полинкой спасались от городской духоты на даче, заодно помогали бабушке справиться с яблочным изобилием. Целыми днями резали и чистили, на варенье и на сок. Обьедались так, что уже и глядеть на них не могли.

В один из особенно жарких дней приехал Ник. Родители отрядили его помочь бабе Лизе по хозяйству.

– Зита, привет! – Его голос пробудил меня от дремоты, заставив вздрогнуть и уронить книгу. – Ты что тут?

Он выглядывал из-за забора, прямо как раньше, в детстве. Только теперь не приходилось для этого вставать на перевернутое ведро.

– А ты? В ссылку что ли отправили?

На самом деле я была ему рада. Ведь после того, как он выручил меня с выпускным, мы ни разу не встречались.

– Ага, типа того. – И добавил, сморщив нос в жалобной гримасе: – Мне скучно...

Ясное дело, когда весело, он обо мне не вспоминает. Я – подружка на крайний случай, если рядом никого другого не оказалось. Так было всегда, и это меня бесило.

И я придумала, как тогда казалось, забавную идею. Повела его, разодетого в новенькие белые кроссовки и светлые джинсы, на дальнее озеро. Напрямки, по пыльной грунтовке, лесной тропе, сквозь заросли ежевики...

Но Ник у даже нравилось, не таким уж изнеженным дитем асфальта он оказался. Пока не налетела внезапная гроза.

Скользя по мокрой тропинке, перемазавшись в грязи, мы добежали под проливным дождем до старой пастушьей сараюшки. Одной стены в ней не было, но хоть крыша не текла и ветер не задувал так сильно.

Дрожа от холода, я наблюдала, как Ник снимает рубашку, потом майку. Выжимает и вешает на деревянную перекладину. И остается обнаженным до пояса. Я его таким давно не видела.

А он красивый. Очень. Широкие плечи и грудная клет-

ка пловца. Плоский живот – видно, как напрягаются косые мышцы при движении. Капельки воды, стекающие по загорелой коже...

Он поймал мой взгляд, скользнул глазами ниже. Осознав, что на мне только тонкая светлая майка, и сейчас она мокрая, облепила грудь и ничего не скрывает, я резко отвернулась. Обхватила себя за плечи, чтобы хоть как-то прикрыться. Притворилась, будто смотрю на непроницаемую завесу косого дождя.

– Замерзла? – прозвучало за спиной, совсем близко, и Ник обнял меня.

Обхватил мои руки своими, прижал к себе. Я почувствовала тепло его тела и дрожь, пробравшую, когда он дотронулся до мокрого.

– Ты так не согреешься. Сними эту тряпку, – сказал он, поддевая край майки. Я замотала головой. Слова застревали в горле, я и дышать-то могла с трудом. – Снимай. Ты в ней и так все равно что голышом.

Я позволила ему стянуть майку, не в силах сопротивляться. Замерла в его объятьях, оцепенев, и только сердце колотилось быстро-быстро, пульсируя в висках.

Мне хотелось лишь одного: чтобы он не отпускал меня, никогда-никогда.

– Зит, ты чего, боишься меня, что ли? – С его волос сорвалась капля и упала мне на плечо. – Расслабься, я тебе ничего не сделаю.

Прикосновение его голого тела казалось самым приятным ощущением, которое я когда-либо испытывала. Я молила мысленно: сделай со мной все. Пожалуйста. Прямо здесь, немедленно, иначе сойду с ума...

А он просто стоял, прижав меня к себе. Пока не почувствовала, что прижимаюсь к твердому там, внизу. Должно быть, ему нелегко было сдерживаться, но Ник лишь позволял мне заметить это. Чтобы сама решилась.

– Я не боюсь, – сказала тихонечко. – Просто я... У меня еще не разу ни с кем не было.

– А ты хочешь?

Вместо ответа я обернулась, зажмурилась от отчаянной смелости и нашла губами его губы. Горячая ладонь скользнула по животу вниз...

Щелчок пальцев перед самым носом приводит в себя.

– Эй, ты еще с нами?

Вместо воображаемого Ника передо мной Маринка. Так себе замена, конечно. Но хоть перестала волком смотреть, и на том спасибо.

– Извини, говорю, что я окрысилась, – как бы подтверждает она. – Жалко парня просто.

– Ладно, забей. Жалостливая ты наша! Прости, я о работе задумалась, зависла немного.

Она говорит, что заметила. Поэтому и решила позвать расслабиться и повеселиться вечером в компании ее прия-

телей. Вообще я на этой неделе что-то чересчур часто расслабляюсь, но...

Вдруг понимаю, что не хочу больше смотреть воображаемое кино про Ника, наше прошлое и тем более про наш секс. Попутно думая о том, что он сексом он теперь занимается с другой, пока я по нему страдаю.

– Да можно. Что за друзья хоть, в порядке?

– Очень даже, – с загадочным видом подмигивает она. – Двоих ты знаешь, на моем дне рождения были. Коля и Сережа, высокий такой, у него еще татуировка прикольная. Не помнишь?

Нет. Но какая разница! Даже лучше, если не знаю. Не хочу видеть никого из прошлого.

4.5. Ник

Воспоминания о нашем лете начинаются с запаха яблок. Переспевших, с налитым мягкой сладостью бочком. Нагретых солнцем.

Вкус яблочного сока на ее губах – казалось, мне всегда будет мало ее поцелуев, и в целом мире нет ничего слаще.

Спустя какое-то время мы умничали, приплетая к воспоминаниям аллюзии и метафоры. Наш маленький потерянный рай в укромных уголках тихой сонной деревушки. Наш запретный плод, отведав который, мы отравились медленным ядом, сами того не подозревая.

Я никуда не поехал, разумеется, решил зависнуть в Михайловке, пока не начнется учеба. Все, чего хотел – она. Зита. Ее сладкие губы. Тонкое, гибкое, послушное тело. Мое отражение в лучистых глазах и произнесенное сбивчивым шепотом имя...

Мы оба временно сошли с ума. Основным нашим занятием стал поиск укромного местечка. Даже не верится – мы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.